ГЕНЕРАЛ КУРЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Гибель императорской России

Павел Курлов

Гибель императорской России. Воспоминания

«Издательство Захаров»

1923

УДК 882-94
ББК 104

Курлов П. Г.

Гибель императорской России. Воспоминания / П. Г. Курлов — «Издательство Захаров», 1923

ISBN 978-5-8159-0254-3

«Более 30 лет прослужил я трем российским императорам, я знал Россию славною и грозною для ее врагов. Я помню время, когда союза с императорской Россией искали иностранные государства, когда этим союзом гордились, и когда мощь России считалась верной порукой безопасности дружественных ей держав… Я вижу Россию революционную, к которой с пренебрежением стали относиться союзники… Я вижу Россию разоренную, залитую кровью и как бы вычеркнутую из списка не только великих, но и просто цивилизованных государств. Говоря о первой России, я опираюсь на факты и события, участником которых я был в силу своего служебного положения». Павел Григорьевич Курлов

УДК 882-94
ББК 104

ISBN 978-5-8159-0254-3

© Курлов П. Г., 1923
© Издательство Захаров, 1923

Содержание

Введение 5
Глава I 9
Глава II 12
Глава III 20
Глава IV 25
Глава V 29
Глава VI 34
Глава VII 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Генерал Павел Григорьевич Курлов Гибель императорской России. Воспоминания

Введение

Внук и сын солдата, я с детских лет вырос и воспитался в военной семье. Мой дед поступил в войска простым рядовым и дослужился до чина генерал-майора. Отец уже был произведен в офицеры по окончании курса в корпусе и вышел в отставку в чине генерала от инфантерии. Духовным основанием нашей семьи всегда была вера и любовь к Богу, любовь и безграничная преданность Государю. Этот основной принцип остался во мне на всю жизнь и только укреплялся в течение моей последующей службы и государственной деятельности.

Я был и остался до сего дня убежденным монархистом. Думаю, что после русской революции и власти большевистского «правительства» даже в умах нашей беспочвенной интеллигенции, составлявшей оппозицию Царскому правительству, не осталось сомнения в том, что единственною, соответствующею характеру русского народа, формою правления может быть только абсолютная монархия. Конечно, вычеркнуть из истории факт русской революции невозможно, и нужны серьезные изменения в общественном строе, необходимость которых доказали февральские события.

Более 30 лет прослужил я трем Российским Императорам, я знал Россию славною и грозною для ее врагов. Я помню время, когда союза с Императорской Россией искали иностранные государства, когда этим союзом гордились и когда мощь России считалась верной порукой безопасности дружественных ей держав. Не ошиблись союзники в этой мощи: славная русская армия под своими старыми победоносными знаменами верно помогала своим друзьям, жертвуя своими лучшими войсками и забывая о своих интересах, чтобы выручать в трудные минуты своих союзников.

Я вижу Россию революционную, к которой с пренебрежением стали относиться союзники и для которой у них не нашлось даже места во время мирных переговоров. Я вижу Россию разоренную, залитую кровью и как бы вычеркнутую из списка не только великих, но и просто цивилизованных государств. Говоря о первой России, я опираюсь на факты и события, участником которых я был в силу своего служебного положения.

Я начал службу в лейб-гвардии конно-гренадерском полку. Окончив военно-юридическую академию, недолго пробыл военным следователем и помощником военного прокурора, а затем, по предложению бывшего в то время прокурором Московской судебной палаты Н. В. Муравьева, перешел на службу по министерству юстиции. 13 лет прослужил я в прокурорском надзоре, занимая последовательно должности товарища прокурора, прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты. Затем судьбе угодно было забросить меня в администрацию, в которой я и прослужил до 27 февраля 1917 года. Я говорю – «судьбе», так как переход этот случился для меня совершенно неожиданно.

В бытность мою прокурором Вологодского окружного суда между моими товарищами по должности возникла мысль повесить в служебном кабинете портреты бывших в Вологде прокуроров. Задолго до меня эту должность занимал бывший в то время уже министром внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве. На меня возложили поручение обратиться к нему с просьбою дать свой портрет, хотя уже в это время я был назначен товарищем прокурора Московской судебной палаты. Тогда я впервые имел случай встретиться с В. К. Плеве, которого, невзирая на все нападки его врагов, нельзя не считать крупным государственным деятелем. Он

охотно согласился исполнить мою просьбу и, с любовью вспоминая свою прежнюю прокурорскую службу, обратился ко мне с неожиданным вопросом, почему я не перехожу на службу по администрации, прибавив к этому, что «нам нужны люди». Я ответил, что служба в администрации давно меня привлекала, но я не предпринимал никаких шагов в этом направлении, не зная никого из лиц, стоявших во главе министерства внутренних дел и пользуясь расположением моего бывшего прокурора судебной палаты, а в то время министра юстиции Н. В. Муравьева, который отметил меня как обвинителя и неоднократно возлагал на меня эти обязанности по выдающимся процессам, два раза вызывая меня для этой цели по особым ордерам из Вологды в Москву.

Плеве мне на это ответил: «Вы встретили теперь вашего коллегу, который имеет некоторое значение в министерстве внутренних дел, так что вам не приходится обращаться с просьбою, а согласиться на предложение, которое я вам делаю. Конечно, по занимаемой вами должности вы вправе претендовать на место губернатора, – мы назначаем губернаторами даже прокуроров суда. Но вдумайтесь хорошенько в мои слова: по моему мнению, нельзя быть хорошим губернатором, не пройдя должности вице-губернатора; нельзя авторитетно отдавать приказания, не зная, как они на практике технически выполняются подчиненными. Я предлагаю вам вице-губернаторство в большой губернии, а именно Курской. Губернатор там – большой барин и вполне порядочный человек; работой себя обременять он не любит, и это даст вам возможность при желании ознакомиться с порядком управления губернией, сделать это в короткое время. Само собой разумеется, что вице-губернатором вы не засидитесь. Подумайте и дайте мне завтра ответ».

Я внял и в течение всей моей дальнейшей службы мог оценить данный мне В. К. Плеве мудрый совет: никогда не браться за дело без надлежащей к нему подготовки. На другой день я поблагодарил министра за сделанное мне предложение и вскоре был назначен курским вице-губернатором.

Хотя В. К, Плеве, трагически погибший, не мог исполнить своего обещания, но его предсказание оправдалось. При его преемнике А. Г. Булыгине я был назначен в Минск, где и провел тяжелый для России 1905-й год.

При вступлении в должность министра внутренних дел П. А. Столыпина я был назначен членом совета министра внутренних дел и, состоя в этой должности, управлял по Высочайшему повелению Киевской губернией. По моему возвращению из Киева у П. А. Столыпина возникла мысль поставить меня во главе полиции. По-видимому, мнения больших государственных людей сходятся, и П. А. Столыпин, как и В. К. Плеве, нашел, что предварительная практическая подготовка для столь большого государственного дела необходима, и поэтому возложил на меня исполнение обязанностей вице-директора департамента полиции, причем мне пришлось управлять этим департаментом во время отсутствия директора.

Убийство начальника главного тюремного управления Л. М. Максимовского прервало мою службу по министерству внутренних дел. П. А. Столыпин потребовал, чтобы я занял временно этот пост и провел в Государственной Думе новый бюджет тюремного управления. Время было тяжелое: тюрьмы были переполнены, в них свирепствовал сыпной тиф, а тюремные поставщики отказывались отпускать впредь в долг даже съестные припасы.

«Вы привыкли, – сказал мне П. А. Столыпин, – за свою прокурорскую службу к публичной деятельности и знакомы с тюремным делом. Смотрите на это назначение, как на временную командировку, – мое намерение поставить вас во главе полиции остается неизменным. Я желал бы на всякий случай обеспечить вас в будущем и потому через министра юстиции испросил Высочайшее соизволение на назначение вас сенатором, если вы оставите должность начальника главного тюремного управления без другого назначения».

В течение года мне удалось провести в Государственной Думе новый бюджет, увеличенный с 16 до 33 миллионов рублей, и привести в порядок тюрьмы, а 1 января 1909 года я был

назначен товарищем министра внутренних дел, причем на меня было возложено заведование делами департамента полиции.

Я не могу не вспомнить без сердечной благодарности П. А. Столыпина, который при этом последнем назначении, в предвидении всяких случайностей, сопряженных с новою моею службою, испросил у Государя подтверждение вышеуказанного Высочайшего повеления.

По занятии мною поста товарища министра внутренних дел, у П. А. Столыпина возник старый вопрос о соединении этой должности с должностью командира отдельного корпуса жандармов, ввиду тесной связи деятельности департамента полиции с работою офицеров этого корпуса.

П. А. Столыпин находил такое объединение необходимым, и 26 марта того же года я был назначен командующим отдельным корпусом жандармов с переименованием в генерал-майоры и с оставлением в должности шталмейстера Высочайшего двора.

Этот пост я занимал до трагической кончины П. А. Столыпина, а затем вышел в отставку, благодаря ярым, но, как оказалось впоследствии, неосновательным нападкам моих врагов. Эти инсинуации получили в свое время широкое распространение в обществе, что вынуждает меня посвятить событиям в Киеве особую главу.

С началом войны я вновь поступил на службу с личного милостивого разрешения Государя Императора и, состоя при главном начальнике снабжений Северо-Западного фронта, занимал должность помощника главного начальника Двинского военного округа по гражданской части, каковая должность была учреждена специально для меня повелением Верховного главнокомандующего, и, наконец, был военным генерал-губернатором прибалтийских губерний. С упразднением этой последней должности я находился в резерве чинов Петроградского военного округа.

Судьбе, толкнувшей меня на административную службу при В. К. Плеве, угодно было вновь возвратить меня к ней. В сентябре 1916 года мой старый полковой товарищ А. Д. Протопопов был назначен министром внутренних дел. В первый же день после назначения он предложил мне занять пост товарища министра, от чего я категорически отказался. Только на его просьбу помочь ему в знакомом мне деле до подыскания подходящего лица я согласился временно исполнять эти обязанности, а через месяц отказался и от них, причем 5 января 1917 года, разойдясь совершенно с А. Д. Протопоповым в политических взглядах, подал прошение об отставке, на что и воспоследовало Высочайшее соизволение.

Я пережил русскую революцию, отречение от престола Государя Императора. Я сердцем пережил страдания и мученическую кончину обожаемого Государя и Его царственной семьи. Пережил заключение в Петропавловской крепости и Выборгской одиночной тюрьме. Пережил тяготы следствия, производившегося чрезвычайной следственной комиссией, под председательством Муравьева, которая вынуждена была, по всем попавшим в ее руки документам, опровергнуть ложь и клевету, преследовавшую меня в моей служебной деятельности. Я пережил далее переворот большевиков и, когда под их ударами, без суда и следствия, стали падать мои прежние сослуживцы, вынужден был бежать за границу.

Теперь, в роли эмигранта, я считаю, что мне остается исполнить последний нравственный долг перед священною для меня памятью Государя Императора, а также перед моею семьею, опровергая распространенную в обществе и печати ложь и клевету.

Приведенные выше краткие сведения о моей служебной деятельности доказывают, как близко стоял я к верхам государственного правления за последние годы Императорской России. Я не имею в виду излагать в настоящей книге только ее хорошие стороны; моя цель – восстановление правды и объективное ко всему происшедшему отношение.

Я буду считать себя удовлетворенным, если читатель, ознакомившись с этой книгой, вынесет из нее добрую память о мученически погибшем, незабвенном для меня Монархе и

скажет себе, что в моей продолжительной служебной деятельности я никогда не изменял своим убеждениям и могу смотреть на пройденную долгую жизнь с спокойной совестью исполненного долга.

Глава I

Ночь на 28 февраля 1917 года. Последний Совет Министров. Предложение занять пост товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов. Мой отказ. Арест. Разъяснение сделанного мне предложения С. Е. Крыжановским.

27 февраля 1917 года, когда уже третий день гремели на улицах Петрограда ружейные и пулеметные выстрелы, когда известия, передаваемые по телефону друзьями и знакомыми, носили все более и более мрачный характер, я, не выходивший уже около месяца из дому вследствие болезни, понимал, что творится что-то недоброе. В 10 часов вечера раздался новый звонок по телефону. Нервно взялся я за телефонную трубку, ожидая, что услышу что-нибудь подобное сообщенному мне накануне в 5 часов вечера моими знакомыми, жившими в доме придворного конюшенного ведомства, что на площади перед домом идет сражение между солдатами лейб-гвардии Павловского полка и полицией, причем есть убитые и раненые, но услышал взволнованный голос государственного секретаря С. Е. Крыжановского, бывшего одновременно со мною товарищем министра внутренних дел при П. А. Столыпине и сохранившего со мною самые лучшие отношения.

«Да возьмите же, Павел Григорьевич, наконец власть в свои руки! Разве вы не видите, что творится и куда мы идем?» – сказал мне С. Е. Крыжановский. Я отвечал, что никакого поста в настоящее время я не занимаю, а власть находится в руках министра внутренних дел, и к тому же я хвораю. «Очень жаль», – последовал краткий ответ, и разговор наш прекратился. Я не мог в ту минуту объяснить себе хорошенько значение этого разговора, но понял одно, – что власти нет. Я ясно представил себе моего старого однополчанина А. Д. Протопопова, произносящего в своем кабинете длинные монологи и не могущего ни на что решиться, и совершенно бездарного, безвольного и даже неумного главного начальника Петроградского военного округа, генерал-лейтенанта С. С. Хабалова, в руках которого, к несчастью, была в эти тяжелые минуты сосредоточена вся военная и гражданская власть в столице.

Утром 28 февраля, в первый день так называемой русской революции (некоторые наивные люди называют ее даже великой), я был арестован. Семь месяцев просидел в одиночном заключении в Петропавловской крепости и в Выборгской одиночной тюрьме и затем был переведен под домашний арест вследствие тяжкой сердечной болезни и отсутствия у следственной комиссии серьезных против меня обвинений. Только освободившись от тюремного заключения, я из старых газет, которых в крепости мне не давали, понял истинное, ужасное для меня значение телефонного разговора с С. Е. Крыжановским. Оказалось, что он телефонировал тогда из Мариинского дворца, где в тот роковой вечер собрался растерявшийся Совет Министров, в заседании которого принимали участие некоторые из великих князей и выдающихся членов Государственного Совета. Председатель Совета Министров князь Голицын, занимавший этот пост около полутора месяцев и совершенно к нему неподготовленный при новых условиях государственной жизни,[1] предложил С. Е. Крыжановскому пост министра внутренних дел и на его замечание, что министром состоит А. Д. Протопопов, получил ответ, что Протопопов уже уволен от должности и находится в Мариинском дворце в совершенно расстроенном состоянии. На это С. Е. Крыжановский сказал: «Я не считаю себя вправе отказаться в настоящую минуту от вашего предложения, но ставлю непременным условием, чтобы генерал Курлов был одновременно назначен товарищем министра внутренних дел и командиром

[1] Кн. Голицын оставил действительную службу задолго до Манифеста 17 октября 1905 г., занимая должность тверского губернатора, и присутствовал затем все эти годы в Правительствующем Сенате.

отдельного корпуса жандармов и чтобы в его руках была сосредоточена высшая командная власть над расположенными в столице войсками».

На выраженное князем Голицыным согласие С. Е. Крыжановский просил разрешить ему переговорить со мною по телефону, а когда получил мой отрицательный ответ, отказался занять пост министра внутренних дел и тщетно пытался только уговорить и успокоить А. Д. Протопопова.

Нельзя себе представить, какие тяжелые переживания я испытал при этом сообщении! Мне представилось, что если бы из того краткого и неясного для меня разговора я понял, что С. Е. Крыжановский высказывает мне не свои мысли, а делает серьезное предложение, которое я в такую минуту, конечно, не преминул бы принять и, став во главе знакомого мне дела, может быть, успел бы сделать что-нибудь для спасения трона и династии или погибнуть вместе с нею.

Пала вековая Императорская власть!

Россия пережила опыты управления государственных младенцев Временного правительства, выпустившего власть из своих рук почти с первых дней, подпав под влияние Совета солдатских и рабочих депутатов и, наконец, передавшего ее, хотя и вынужденно, в руки большевиков – вконец погубивших Россию.

Я не могу в силу моей продолжительной службы Императорской России не попытаться на страницах этой книги остановиться над происшедшими событиями и разобраться в их причинах.

Кто же был инициатором и выполнителем так называемой русской революции? Была ли это воля народа или по крайней мере воля его большинства, или это были действия отдельных общественных групп, которые не представляли себе даже ясно, какие ужасные последствия вызовут их попытки ниспровергнуть существовавший в России государственный строй?

Несомненно, революция была делом рук только этих партий.

К сожалению, для них надо сказать, что представители партий понимали опасность и только не имели нравственного мужества отказаться от своих вожделений захватить в свои руки власть. Слишком заманчивы были для них министерские портфели, ускользнувшие, как мираж, в момент выборгского воззвания. В одном из совещаний членов кадетской партии Милюков предостерегал своих сотоварищей от последствий, которые повлечет за собою революция: мы машем красным платком перед глазами разъяренного быка, обещая крестьянам землю, не уверенные, что мы можем исполнить наше обещание. При таких условиях в России неизбежна только анархия.

Продолжительная война взбаламутила русскую жизнь. На этой почве и началась работа указанных выше групп, и даже некоторые из великих князей стремились к дворцовому перевороту. Оппозиция, возглавляемая блоком Государственной Думы, жадно стремилась к упомянутой цели. Народ тяготился возраставшею дороговизною, тяжелыми условиями жизни, вырвавшими из его среды работников. Армия, или, вернее сказать, вооруженный народ переживал со всею Россиею те же тяготы, и только революционные партии упорно вели свою идейную разрушительную работу в надежде провести в жизнь свои мечты всеобщего равенства и счастья.

Антиправительственные группы, на которые я указал, были даже не координированы в своей деятельности, и февральские события застали их врасплох. Когда 25 февраля вечером я, больной, приехал к моему старому другу, директору департамента полиции А. Т. Васильеву, чтобы узнать, что же наконец творится, так как меня взволновало происшедшее в этот день у Николаевского вокзала убийство полицейского пристава одним из казаков, Алексей Тихонович успокоил меня, сказав, что движение носит пока чисто экономический характер и только сегодня так называемое революционное подполье решило примкнуть к нему в надежде, не даст ли оно желательных для революционных партий последствий. Поэтому, вернувшись домой, я послал А. Д. Протопопову письмо, в котором говорил ему, что одни полицейские меры, при

настоящем положении вещей, не помогут, и умолял убедить генерала Хабалова приказать всем военным хлебопекарням выпечь в эту ночь из запасов интендантства как можно больше хлеба и утром пустить его в народ. Не знаю, какая участь постигла это письмо.

Я дал такой совет не потому, что я находил, что причиною возникших в эти дни в Петрограде народных волнений был недостаток хлеба. Мне прекрасно было известно, что хлебный паек составлял 2 фунта, что так же выдавались и остальные съестные продукты и что наличных запасов хватило бы на 22 дня, если даже допустить, что за это время к столице не будет подан ни один вагон с продовольствием. Требование «хлеба!» был пущенный в народные массы революционный лозунг. Его инициаторы хорошо понимали, что на этой почве массы всему поверят и всякое словесное возражение со стороны правительства никакого впечатления на народ не произведет. Ведь не поверили же объявлению генерала Хабалова, что хлеба в Петрограде имеется в достаточном количестве! Левые газеты усердно вышучивали это объявление. Вот почему я находил необходимым противопоставить слухам бьющие в глаза факты.

Тем не менее все соединились в усилиях дискредитировать Императорскую власть, не останавливаясь перед клеветою и ложью. Все забыли, что государственный переворот во время мировой войны – неизбежная гибель России… Правительство, которое после смерти П. А. Столыпина потеряло государственный курс, так как власть попала в руки слабых ее носителей, невольно содействовало постигшей наше отечество катастрофе. Для него бесследно прошли уроки попыток первой русской революции 1905 года, возникшей и протекавшей в условиях, тождественных с настоящими.

Не углубляясь в историю, 1905-й год надо считать началом роковых событий, совершившихся в феврале 1917 года, с тою только разницею, что революционное движение на этот раз вылилось в форму военного бунта.

Глава II

Государь Император Николай Александрович

Февральский военный бунт в Петрограде охватил в первые же дни и часть войск на фронте, в особенности на Северном, в состав которого входила и столица, находившаяся поэтому в тесним с ним общении и полной зависимости от главнокомандующего фронтом. Само собою разумеется, что бунт этот никогда не захватил бы столь стихийно войска, если бы не было уже и ранее проявлено преступного попустительства со стороны некоторых предателей, стоявших во главе командного состава. Первое место среди них принадлежит по праву генералу Рузскому, забывшему долг верности Государю и принятой им присяге и опозорившему Царские вензеля, которые он носил по званию генерал-адъютанта. Ничего другого от него и нельзя было ожидать. Ведь его любимцем, сотрудником и, говорят, даже вдохновителем был начальник его штаба генерал Бонч-Бруевич, с которым он не расставался в течение всей кампании в различных штабных должностях и который впоследствии состоял членом высшего военного совещания при Троцком, а брат генерала Бонч-Бруевича занимал должность начальника канцелярии Совета народных комиссаров.

Прибывшему в это время с фронта к войскам, находившимся под командою генерала Рузского, Государю Императору доложили, что бунтом охвачены все войска, что вернуться назад, в Могилев, невозможно и что от Него зависит предотвратить грозящие стране кровопролития.

Г. Родзянко – камергер Двора Его Императорского Величества – не постеснялся прибегнуть к моральному, насилию, не имеющему названия в глазах мало-мальски порядочного человека!

Он заявил Государю, что не ручается за безопасность Царской семьи.

Прием для г. Родзянко в нравственном отношении, пожалуй, худший, чем убийство Государя Императора и Его семьи для озверевших отбросов большевистской среды!

«Кровавый Николай», как дерзала называть его подпольная пресса до времени революции и повторяла разнузданная печать уже после февральских дней, не пожелал пролить ни одной капли крови любимого им народа и подписал отречение от престола в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича.

В эту тяжелую для Него минуту Государь уже был одинок.

Вокруг Него не толпились более подобострастно кланявшиеся Ему советники и придворные, заботившиеся только о своих личных интересах, а потому величайшая жертва своим положением Самодержавного Монарха Российской Империи, принесенная Им русскому народу в целях избегнуть кровопролития, была актом Его свободной воли, вдохновленной беспредельной любовью к России.

И после этого к Нему осмеливаются применять эпитет «кровавый»!

Мне могут сказать, даже соглашаясь с моею оценкою момента отречения, что позорное название было вызвано предшествовавшим царствованием. Одни относят этот гнусный эпитет к несчастным событиям на Ходынке во время св. Коронования, другие – к стрельбе в рабочих 9 января 1905 года, третьи – к Японской и последней войнам и, наконец, четвертые – к случаям смертной казни за политические преступления, в особенности после мятежа 1905 года.

В чем же заключается вина в ходынской катастрофе только что вступившего на престол молодого Государя Императора, который в дни священного Своего Коронования всей душой стремился слиться со своим народом, восторженно Его всюду встречавшим?

Ведь устройством народных празднеств на Ходынке заведовали специально назначенные для этого должностные лица, а во главе Московской администрации стоял родной дядя

Государя великий князь Сергей Александрович, впоследствии зверски убитый. Ни у одного из близких к Государю лиц не нашлось гражданского мужества доложить Ему в первую минуту всю правду о грандиозности несчастья. В головах этих людей господствовала столь присущая придворной сфере мысль о невозможности нарушения церемониала и стремление скрыть от Государя правду. Всякий, кто хотя немного знал Государя Императора, всегдашнею мыслью которого, повторяю, была отеческая забота о своих подданных, ни на миг не усомнится, что, знай Он правду, на Ходынке не звучала бы днем музыка, а уже утром Царь и народ благоговейно внимали бы трогательным песнопениям православной панихиды.

Стрельба в рабочих 9 января 1905 года тоже не может быть поставлена в вину Государю. Он не знал об их намерениях и желаниях, Он не знал, что не перед рабочими, в своем кабинете находился начальник столицы с. – петербургский градоначальник, генерал Фуллон, а перед рабочими стояли вооруженные войска, обязанные по долгу службы и в силу закона не подпускать к себе толпы ближе 50 шагов без употребления оружия.

Действием Государя было увольнение градоначальника от должности за прямое неисполнение им своего долга: лично встретить толпу, выяснить желания рабочих масс и их истинное настроение для верноподданнического затем о сем доклада.

Нельзя требовать от Императора, чтобы Он заменял в таком случае Собою градоначальника. Жизнь Его была слишком драгоценна для государства, и, можно сказать, далеко не находилась в безопасности, особенно после «случайного», за три дня до 9 января, выстрела одного из орудии гвардейской конной артиллерии картечью по помосту, где находились Государь и августейшая семья во время Крещенского водоосвящения.

Войны Японская и Германская сопровождались, конечно, потоками крови, но и в этой народной крови наш Монарх неповинен. Перед началом Японской войны я занимал слишком незначительную должность, чтобы знать в подробностях ее объявление. Повторять же ходившие в то время слухи я не нахожу возможным, желая быть совершенно объективным. В ином положении, хотя и случайно, я был в момент объявления войны с Германией. Военный министр генерал Сухомлинов, с которым я был в очень близких отношениях, передал мне на другой день после объявления войны, когда я приехал к нему вечером, чтобы переговорить о моем обратном поступлении на службу, подробности этого события.

Враждебные, предрешавшие войну с Сербией мероприятия Австро-Венгрии повлекли за собой Высочайшее Повеление о мобилизации Русской армии. Германский Император просил нашего Государя отменить эту мобилизацию, обещая добиться от Австрии положительных результатов для предотвращения войны. Государь Император сообщил военному министру свое решение согласиться на посредничество Берлина, но военный министр предостерегал Его Величество от возможности невыполнения Германским Императором своих обещаний. Он считал, что Германия не может не воспользоваться временем, оставшимся для выполнения нашей большой военной программы, не имея сама в будущем возможности добиться усиления своих военных кредитов. Программа же эта, по его мнению, не только уравнивала наши военные силы с силами Германии, но и давала России некоторые преимущества. Кроме того, военный министр обращал внимание Государя на технические затруднения, связанные с отменой мобилизации, и на то преимущество во времени, которое Германия имела перед нами по своему мобилизационному плану. Генерал Сухомлинов просил Императора выслушать по этому поводу доклад начальника генерального штаба, и генерал Янушкевич в разговоре по телефону с Государем подтвердил мнение военного министра. В результате Государь, в своих постоянных заботах о благе России, не мог не согласиться с военным министром. Я думаю, что в войне с Германией сыграла значительную роль пресса почти всех партий, кроме крайне правых. Я не буду разбираться в вопросе, какими целями руководились те или другие органы печати, в зависимости от их направления, что, конечно, не исключает возможности крайних

левых партий желать войны в предвидении, по примеру Японской войны, удобного момента для осуществления своих преступных целей, которых им не удалось достигнуть в 1905 году.

Странно и только для пристрастного человека возможно обвинение Государя в желании пойти на кровопролитную войну после предложения Им Европе всеобщего мира на Гаагской конференции.

Остается последний и, пожалуй, самый тяжкий вопрос о смертной казни по приговорам военных судов.

В это время я занимал пост товарища министра внутренних дел и могу говорить, зная все подробности этого дела, а главное, зная отношение к нему Государя.

Когда в 1905 году Россия, в чаянии успеха революции, была залита кровью и освещена заревом пожаров помещичьих усадеб, военные суды были введены по инициативе покойного П. А. Столыпина, которому, по незабвенному его выражению, нужна была в е л и к а я Р о с с и я, Государю Императору представлялись еженедельно сведения о количестве смертных приговоров, и каждый раз, возвращаясь с всеподданнейшего доклада, П. А. Столыпин передавал мне о том, какое удручающее впечатление производят на Государя эти сведения, а также непременное требование, чтобы были приняты все меры к сокращению случаев предания военному суду и к ограничению числа губерний, объявленных на особом положении, где эти суды могли применяться.

Воля Государя была для нас законом. С каждой неделей уменьшалось число случаев предания военному суду, а в ряде губерний отменялись исключительные положения. Надо было видеть, говорил мне П. А. Столыпин, с какой искренней сердечной радостью Государь принимал наши старания исполнить Его гуманное желание остановить пролитие народной крови.

Государь Император безусловно отклонял от себя утверждение смертных приговоров, и я не знаю ни одного случая, когда обращенное к Его Величеству ходатайство о помиловании было бы Монархом отклонено.

Все изложенное было, конечно, прекрасно известно главарям революционных партий и представителям революционной прессы еще до революции и, конечно, не могло оставлять никаких сомнений у этих лиц и их присных после февраля 1917 года, когда для них не было уже ничего тайного и в их руках были все самые секретные документы. Но ложь и клевета до революции признавались ими как средство для борьбы против ненавистного режима, а после одержанной победы были проявлением бессмысленной мести к падшему Российскому Самодержцу мелких людишек, дорвавшихся до власти. Чего только не писалось о Государе Императоре в это время! Гордые своим умом, государственные деятели Временного правительства довели Россию до большевизма в течение полугода и вызвали к ней презрение союзников, о чем явно свидетельствуют оглашенные большевиками тайные документы: шифрованная телеграмма генерала Занкевича военному министру и презрительное обращение послов французского, английского и итальянского к тогдашнему министру иностранных дел Терещенко, в чем он сам расписался в своей телеграмме от 9 октября 1917 года нашим дипломатическим представителям в Лондоне и Риме, выражая одновременно благодарность через посла в Вашингтоне американскому правительству, что оно не приняло участия в презрительных даже по форме, как признает это сам Терещенко, обращениях к нему вышеуказанных послов.

Глава правительства Керенский, очевидно, в силу своих гениальных способностей, занимавший одновременно должности военного и морского министров и даже верховного главнокомандующего, поспешил воспользоваться свалившимися на него благами, устраивая пьяные оргии в Зимнем дворце, о которых с презрением отзывались старые придворные лакеи. Этим самозваным правителям необходимо было прикрыть свою неспособность и свое позорное поведение, а потому они особенно охотно поощряли и содействовали распространению всякой клеветы в стремлении доказать, что они стоят выше низверженного Русского Импера-

тора, олицетворявшего мощь и славу России. Не чужда была им и боязнь, что обманутые ими народные массы поймут, наконец, «революционность» способов их управления.

Печать, угождая своим новым господам, дерзала называть Государя чуть не идиотом и говорила о нем как о пьянице, считая совершенно доказанным отсутствие у него всякой воли, но эти нападки, как и прежние – сплошная и сознательная ложь и клевета. Всякий, кто знал Государя Императора, а тем более имел счастье с Ним беседовать, не может не сказать, что Государь Император Николай Александрович был человек широко образованный, внимательно следивший за русской и иностранной серьезной литературой, быстро разбиравшийся в самых сложных государственных вопросах и вдумчиво их разрешавший. Эти качества Императора прекрасно известны государственным деятелям Его царствования, близко к Нему стоявшим. Я уверен, что даже те из них, которые по личным побуждениям были недовольны отношением к ним Государя, не решатся теперь отрицать указанные мной высокие качества Монарха. Я не говорю уже о многочисленных свидетельствах иностранцев, которым приходилось представляться и беседовать с Императором.

В уме ограниченного человека не могла возникнуть мысль о всеобщем мире, между тем все действия, относящиеся к этому вопросу и к возникшей затем для его разрешения Гаагской мирной конференции, были личным делом Государя.

Это мое мнение подтверждает человек, пользовавшийся уважением всего мира, которого левые партии считают своим и которого отнюдь нельзя заподозрить в приверженности к Государю. В личном письме граф Л. Н. Толстой, обращаясь к Государю Императору в недопустимой форме и переполняя свое письмо упреками, пишет: «Вы – добрый и умный человек». Свидетельство, перед которым приходится умолкнуть клеветникам! Как же относился Государь к графу Толстому, ясно из собственноручной резолюции на всеподданнейшем докладе о его смерти: «Скорблю о кончине великого художника Земли Русской. В его же убеждениях – Бог ему судья».

Говоря о пьянстве Государя Императора, которое, по тем же сведениям, происходило в различных гвардейских полках, я очень желал бы, чтобы мне указали хоть на одного гвардейского офицера, который был свидетелем таких кутежей. Бросалось невольно в глаза среди распускаемых в Петрограде по этому поводу слухов, что дерзавшие говорить об этом даже офицеры бывали поставлены в безвыходное положение простым вопросом: посещал ли Государь ваш полк? – и на утвердительный ответ вторым вопросом – видели ли вы Его в своем полку пьяным? Несмотря на подлость рассказчика – я не могу не назвать этим именем клеветы против Государя со стороны гвардейского офицера – ответ на последний вопрос получался всегда отрицательный, причем смущенный клеветник добавлял: да, но это было в других полках…

Начав свою службу в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, я сохранил с ним самую тесную связь, а потому присутствовал почти на всех полковых праздниках и бывал в полковом собрании, когда Государь Император осчастливливал полк своим присутствием в других случаях. Государь засиживался иногда очень долго, слушая полковых трубачей, песенников и балалаечников. Я не только никогда не видел Его пьяным, но могу по совести утверждать, что Он просиживал долгие вечера над одним невыпитым бокалом. Ему ставили в вину эти частые посещения, и никто не понимал, что Государь всем сердцем любил свои войска, душой отдыхал среди офицеров от тягот, сопряженных с Его положением, так как в присутствии Государя в полковом собрании были безусловно исключены всякие политические разговоры.

Я думаю, что можно покончить с мрачными, клеветническими картинами. Для людей, их рисовавших, было непонятно, что, клевеща и позоря Русского Императора, они позорят Россию, представителем которой был ее Самодержец. У них не хватило смысла и нравственной порядочности хоть одним словом обмолвиться о несомненных положительных качествах Государя Императора Николая Александровича. Да можно ли искать это чувство у людей, потеряв-

ших все человеческое и не остановившихся перед убийством беззащитного Государя и его ни в чем не повинных детей.

А эти качества были и несомненно привлекали на себя внимание. Я не беру на себя смелость оценивать Императора и Его государственную деятельность. Я привожу только факты; выводы напрашиваются сами собою.

Я упоминал уже о любви Государя к войскам, выражавшейся в постоянной о них отеческой заботливости. Надо было видеть радостное, осененное чарующей улыбкой лицо Государя при виде войск. Нельзя было доставить Ему большего огорчения, будучи обязанным докладывать, что и среди войск распространяется революционное движение. Он совершенно перерождался при таких докладах, не хотел им верить, а все руководившие борьбою с этим революционным движением знают, как затрудняло их и без того нелегкую работу категорическое запрещение Государя иметь среди войск агентуру. Его слабостью был флот, столь позорно отплативший Государю Императору за Его любовь.

Во время пребывания Государя Императора в Севастополе в 1909 и 1910 годах мне пришлось по соглашению с главным командиром Черноморского флота настоять, чтобы с некоторых кораблей были списаны матросы, явно заподозренные в принадлежности к революционным партиям. Дух лейтенанта Шмидта еще жил в Черноморском флоте. Я упросил П. А. Столыпина доложить об этом Государю Императору вместе с моею верноподданнейшей просьбой быть осторожнее при посещении отдельных судов и исключить из своего объезда некоторые из кораблей, среди команды которых наиболее сильно выражалось антиправительственное настроение. Государь в резкой форме отверг эту просьбу и в течение нескольких дней посетил все суда без исключения.

А как велика была эта опасность, в которую Государь не хотел верить, свидетельствуют теперь воспоминания главы боевой организации партии социалистов-революционеров Савинкова. Он рассказывает (Былое, № 2 – 1918 года), как матросы Авдеев и Котельников, посаженные им для цареубийства на крейсер «Рюрик», ввиду предстоявшего в Кронштадте высочайшего смотра, не решились выполнить этот акт. «Я считаю несправедливым, – пишет Савинков, заподозрить Авдеева в недостатке мужества. Слишком быстро и слишком напряженно пришлось пережить ему все колебания террора. Нет ничего удивительного, что пружина сломалась». Так психологически объясняет себе неудавшийся террористический акт его вдохновитель. Объяснение, понятное для человека, никогда не останавливавшегося перед убийствами. Слишком велико было личное обаяние Государя и не «пружина сломалась», а осталось непоколебимым скрытое в тайниках русской души благоговение пред Царем, утверждаю я, всю жизнь тесно связанный с солдатской средой.

Говоря о любви Государя к народу, я не могу умолчать о ярком ее проявлении в беседе Императора с выборными от крестьян, в количестве около 2 000 человек, имевшей место в Полтаве во время юбилейного празднования Полтавской победы. Выезд в Полтаву был первым выездом Государя после смуты 1905 года. П. А. Столыпин и я были сильно озабочены безопасностью Государя и считали безусловно необходимым принять все зависевшие от нас меры предосторожности. Делать это было не легко, так как Государь Император стремился быть ближе к народу и постоянно повторял свое желание, чтобы и народ не стесняли в присущем каждому русскому человеку тяготении к Царю. И действительно, бывало не раз, что толпа, одушевленная лицезрением Монарха, сметала всякую охрану и тесным кольцом окружала Царский экипаж.

Государь передал П. А. Столыпину свое непременное желание видеть и говорить с крестьянами. П. А. Столыпин приказал исполнить в точности волю Государя. В Полтаве были собраны выборные от всех деревень Полтавской губернии и размещены в особом лагере. Государь Император должен был провести в Полтаве полтора дня. Присутствие на церковных службах, посещение целого ряда учреждений, самое празднование победы, освящение памятника

бывшему полтавскому коменданту полковнику Келину занимали все время, которое было рассчитано почти по минутам. Государь пожелал посетить крестьянский лагерь в первый день, в пять часов вечера, а в шесть часов в церкви на поле Полтавской битвы было назначено служение Киевским митрополитом заупокойной всенощной по Императору Петру I и павшим под Полтавою воинам. Государь прибыл в лагерь крестьян и, встреченный громкими приветствиями собравшихся, стал обходить крестьян. Он подходил буквально к каждому человеку и со своей чарующей улыбкой расспрашивал о его семье, жизни и домашних нуждах. Сопровождая Государя, я посмотрел на часы – было пять часов 50 минут, а Государь не обошел и ста человек. Я напомнил о времени дворцовому коменданту, генерал-адъютанту Дедюлину, прося доложить, что нас ожидает митрополит. «Попросите начать всенощную – Я хочу поговорить со всеми», – ответил видимо растроганный общением с крестьянами Государь. Мы прибыли в церковь в 81/2 часов. Важность этого события после крестьянских погромов 1904 и 1905 годов оценили иностранцы. «Вы недостаточно придаете значения такому акту Государя», – сказал мне бывший в свите и состоявший при Особе Государя флигель-адъютант Императора Вильгельма капитан фон Гинце.

Это – исторический момент! Не могу обойти молчанием, что в своих разговорах с крестьянами Государь все время касался земельного вопроса.

Я опасаюсь моей слабой попытки восстановить в сердцах русских людей светлую личность усопшего Монарха, я должен отметить, что Русский Самодержец, произвол которого настойчиво выставляли революционные партии, был первым слугой и строгим блюстителем закона. Прекрасно понимая всю неограниченность своей власти, Государь доходил в этом отношении до щепетильности, которую мне пришлось испытать на самом себе. Когда, после 17 октября 1905 года, стоявший у Минского вокзала военный караул, у которого толпа стала вырывать ружья, без команды открыл огонь, вызвавший человеческие жертвы, на меня, бывшего в то время Минским губернатором, посыпался целый ряд обвинений и клеветнических нападок, так что Правительствующий сенат потребовал от меня объяснений. Я представил свой рапорт и, находясь в то время в Петербурге, просил министра внутренних дел П. Н. Дурново испросить мне разрешение представиться Его Императорскому Величеству, чего я не успел сделать, благодаря политическим событиям, после назначения меня на пост минского губернатора. «Подождите – теперь не время», – ответил Государь П. Н. Дурново. Дело мое слушалось в Правительствующем сенате через две недели после этого доклада. Сенат признал, что никакого отношения к стрельбе на Минском вокзале я не имел, а действия мои по поддержанию порядка в городе совершенно правильными. Министр поздравил меня по телефону с благополучным окончанием моего дела, добавив, что он посылает об этом всеподданнейшую записку. Через день я получил от гофмаршальской части извещение о приеме меня Государем. Не без волнения входил я на следующий день в маленький кабинет Государя в Царскосельском дворце. С ласковой улыбкой встретил и поздоровался со мной Государь Император и на мой доклад, что я безгранично счастлив видеть Его Императорское Величество, сказал: «Вы, может быть, удивлены, что Я не принял вас после первого доклада министра? Я знал о вашем деле в сенате, был совершенно уверен, что вы – правы, но не хотел, чтобы могли даже подумать, что, принимая вас, Я косвенно влияю на исход вашего дела в сенате. Вы пережили много тяжелых минут. Что Я могу для вас сделать?» Я ответил, что и без того осыпан Его милостями и никаких личных просьб не имею. «Я прошу Ваше Императорское Величество, – продолжал я, – о Монаршем милосердии: судебная палата приговорила к наказанию полицейского городового Якубовича, человека семейного, за произведенный им 17 октября выстрел, когда толпа с красными флагами стала громить полицейский участок, в котором он был дежурным, причем этим выстрелом был убит присяжный поверенный Энтыс». – «Я очень рад исполнить вашу просьбу», – ответил Государь и, позвонив дежурному флигель-адъютанту, князю Орлову, приказал ему тотчас же передать министру юстиции повеление о помиловании Якубовича.

Еще более сильным доказательством преклонения Государя пред законом служит дело генерала Сухомлинова. Государь Император относился к бывшему военному министру с большою любовью и доверием, зная его заслуги по организации русской армии после Японской войны, и тем не менее не препятствовал судебной власти возбудить против него уголовное преследование, когда по закону это признавалось необходимым. Свое неизменное доверие Государь выразил в личном письме В. А. Сухомлинову, высказав уверенность, что Бог поможет ему восстановить свою невиновность.

Не только в России, но и во всем мире было распространено убеждение, что Государь Император Николай Александрович – человек совершенно безвольный, подчиняющийся влиянию то одного, то другого лица и не могущий сам провести в жизнь ни одного своего намерения. Источник такого распространенного мнения резко отличается от остальных источников сведений о личности Государя. Эти сведения – о безволии – нельзя считать результатом работы революционных партий: они считали это аксиомой, а потому и не прибегали ни к каким усилиям для поддержания и подкрепления такого мнения. Напротив того, партии оппозиционные усиленно поддерживали господствующее мнение, исходившее, главным образом, от представителей русской бюрократии, почему так и трудно было всегда его опровергать в глазах широкой публики.

Что же эти люди принимали за слабоволие?

В их представлении жил могучий образ Императора Александра III, они помнили, как круто обращался с ними самодержавный Монарх при всяком нарушении с их стороны служебного долга. Он спокойно и в резкой форме выгонял со службы виновного. Его Наследник, вступивший на престол в юном возрасте, мягкий и крайне деликатный по своей природе, не способен был проявлять так резко свою самодержавную волю. Он долго терпел провинившегося сановника, хорошо понимая его непригодность и отчетливо разбираясь в его личности. Даже расставаясь с ним, Государь никогда открыто не выказывал своего неудовольствия, никогда не говорил лицом к лицу об его увольнении: Он делал это путем личного письма. Зарвавшиеся сановники, не слыша привычного окрика, считали деликатность Государя за одобрение их деятельности и, пораженные неожиданным увольнением, искали его причин не в своей неспособности, а в каких-то посторонних влияниях, громко вопя о безволии Императора. Конечно, новое назначение на открывшийся пост с первого же дня подвергалось критике со стороны считавшего себя недостаточно оцененным отставленного бюрократа, который в этом вновь усматривал постороннее влияние на Царя. Долготерпение принималось за слабоволие. Между тем Государь Император, оценив своего сотрудника, твердо приводил к концу свое решение заменить его другим лицом, особенно когда он видел в этом государственную необходимость, которой зачастую приносил в жертву свои личные чувства.

Яркий пример – замена на посту министра внутренних дел П. Н. Дурново П. А. Столыпиным. Государь не мог не оценить, что в тяжелые дни смутного времени 1905 года П. Н. Дурново твердой рукой остановил революционные попытки и спас Россию от анархии, которую мы все теперь переживаем. Понимал Государь, что такой результат не мог быть достигнут без крутых мер, и личность министра стала непопулярной среди всегда ограниченного в своих суждениях большинства. Поставив себе задачей правильную совместную работу с созданной Им Государственной Думой, Он пожертвовал верным слугой.

То же самое повторилось с отставкой И. Л. Горемыкина, по совету которого была распущена Государственная Дума первого созыва.

Эти примеры увольнения еще более подтверждаются новыми назначениями: П. Н. Дурново и И. Л. Горемыкин были заменены П. А. Столыпиным, относительно которого ни у одного человека не возникала мысль, что он был призван на высокий пост благодаря каким-то посторонним влияниям.

Таким же личным назначением было назначение Н. А. Маклакова, не имевшего в высших служебных и придворных сферах никаких отношений и совершенно неизвестного Петрограду.

Государя всегда занимала мысль пойти навстречу общественному мнению и призвать в состав правительства министров из членов Государственной Думы, таковы были назначения графа А. А. Бобринского, князя В. М. Волконского, А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова. Относительно двух последних говорили о влиянии Распутина, на чем мне придется еще остановиться.

Я могу ознакомить читателя с одним влиянием на Государя – влиянием общественного мнения, т. е. стремлением Императора не идти в разрез с желаниями своего народа, которые, впрочем, не всегда находили себе правильное выражение у народных избранников в лице членов Государственной Думы.

Лучший пример этому – я сам. После смерти П. А. Столыпина дворцовый комендант, генерал-адъютант В. А. Дедюлин, без моего ведома, оказал мне дурную услугу. Когда в Севастополе, вскоре после киевских событий, Государь Император заговорил с ним о назначении нового министра внутренних дел, В. А. Дедюлин выдвинул мою кандидатуру. Это предложение было решительно отклонено Государем Императором, несмотря на то, что В. А. Дедюлин был одним из ближайших к Государю лиц, пользовавшихся полным Его доверием, благодаря безграничной любви к Монарху и отсутствию личных стремлений.

Крайне благосклонно относился и ко мне Государь, который выразил полное доверие к моей службе по окончании судебного дела о киевских событиях.

О случаях, когда Государь, вопреки мнениям и настояниям наиболее ценимых им сотрудников, настаивал на исполнении его воли, мне приходилось неоднократно слышать от П. А. Столыпина и В. А. Сухомлинова.

Если прибавить к этому преувеличение о влиянии на Государя Императрицы Александры Федоровны, о чем я подробнее остановлюсь в следующей главе, я считаю, что мнение о безволии Государя есть результат обиженных самолюбий близко стоявших к Нему лиц.

Я боюсь, что мои слабые силы не дают мне возможности еще ярче выставить личность незабвенного для меня Государя, память о котором составляет драгоценнейшее для меня достояние.

Глава III

Государыня Императрица Александра Федоровна

С момента вступления на престол и в течение всего 25-летнего царствования Императора Николая II оппозиционные и революционные деятели клеветали на Него, как я уже сказал, стараясь всеми силами подорвать в народе доверие и любовь к Монарху. Нельзя сказать, чтобы эти усилия, при которых никакими средствами не пренебрегали, достигали блестящих успехов и только в конце царствования тяготы войны и клевета на этой почве привели к желаемому результату. Я уверен, что и на этот раз их планы не осуществились бы, если бы Государь Император не был лишен возможности в февральские дни 1917 года лично появиться перед народом и войсками. Несомненно Он был бы встречен теми же кликами восторга, которые сопровождали Его во всех поездках и ярко выразились в день войны на площади Зимнего дворца, когда Государь Император вышел на балкон.

Та же подпольная работа, к сожалению, дала по отношению к Императрице Александре Федоровне иные результаты и возбудила против Нее ненависть народных масс.

Зная Императрицу почти с первых шагов на поприще Государыни многомиллионного русского народа, я думаю, что о характере Ее следует судить по отдельным периодам Ее жизни.

Молодая Гессенская принцесса была воспитана в патриархальной семье. Она получила серьезное образование, а простота, доступность и любовь к. народу привлекли к Ней общее расположение Ее соотечественников. Надо видеть, с какой силой выражаются эти чувства по отношению к Императрице в многочисленных воспоминаниях близких лиц, хорошо знавших Ее в эту эпоху. Некоторые из них содержат в себе прямо трогательные отзывы. Но вот все изменилось: из скромного замка в Фридберге Гессенская принцесса перешла сразу в блестящие покои Петербургских дворцов и перешла в трудное время. Неожиданная смерть Царя-Миротворца повергла в тяжелое горе Россию и ее молодого Государя. Император Александр III не ожидал своей скорой кончины и не подготовлял еще молодого Наследника престола к скорому вступлению на царство. Императрице, встретившей в трауре торжественный для всякого день венчания, пришлось в это время глубокого сыновнего горя сделаться с первых дней поддержкой и утешительницей молодого царственного супруга. В этом кроется причина несомненного влияния Ее на Императора, кроется причина истинной любви, связывавшей Их всю жизнь. Не легок был переход Гессенской принцессы к роли Русской Императрицы. Придворный этикет, положенный у нас в основание жизни царской семьи и совершенно чуждый Фридбергу, требовал от Императрицы изменения всех Ее привычек и всего образа жизни. Надо сказать, что на несчастье, графиня Воронцова-Дашкова и обер-гофмейстерины светлейшая княгиня Голицына и Е. А. Нарышкина, по свойствам их личного характера, не могли дать Императрице полезных указаний, а напротив постепенно убивали в Ней то, что составляло Ее украшение в Гессене, а именно приветливость и простоту. Переломить себя Императрица не могла: врожденные чувства, которые привлекали к Ней сердца гессенцев, конечно, остались, но Она замкнулась в своей семье. Тот, кто знал Императрицу в различные периоды Ее жизни, хорошо помнит, как проявлялись эти прирожденные черты Ее характера.

В 1902 году, состоя секретарем Ее августейшей сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны, по дамскому комитету Красного Креста, я был назначен комиссаром ее отдела на кустарной выставке, устраиваемой Императрицей в Таврическом дворце. Великая княгиня жила в Царском Селе у сестры. Состоявшему при ней гофмейстеру Н. А. Жедринскому и мне приходилось часто приезжать к ней для доклада и иногда беседовать по вопросам, относящимся до выставки, с Императрицей, которая запросто приходила в комнату своей сестры. Я знаю сердечный интерес, который проявляла Ее Величество даже к мелким вопросам. Мысль

поднять кустарную промышленность в России и тем помочь многочисленным народным труженикам в этой области целиком захватывала Ее душу. Быстро усваивала Государыня Александра Федоровна делаемые Ей доклады и столь же быстро и жизненно разрешала возникавшие вопросы. Последовало открытие выставки, и я встретил Государя Императора и Его царственную Супругу при входе в порученный мне отдел.

Я не узнал Императрицы: Она, видимо, крайне стеснялась, стараясь выполнить преподанные Ей руководительницами в этой области уроки формальной любезности. Через три дня последовало неожиданное распоряжение закрыть выставку для публики с 9 часов утра до 1 часа дня, так как Императрица пожелала осмотреть ее во всех подробностях в менее официальной обстановке. Нам, комиссарам, было приказано находиться на своих местах и встретить Государыню, не облекаясь для этого в придворные мундиры. Царственные сестры прибыли на выставку в 91/2 часов утра. Мой отдел был первым от входа, и, когда я на пороге встретил Императрицу, я увидел в Ней другого человека: живая, обворожительная, любезная, простая до крайности. Она захватывала своим обаянием тех, к кому обращалась.

В моем отделе были сосредоточены кустарные игрушки Московской губернии, и ими заинтересовалась Императрица. Когда я хотел достать какую-то вещь с верхней полки, Она с улыбкой сказала мне: «Дайте, я сделаю это сама, вы едва ли привыкли обращаться с подобными вещами». Я никогда не забуду того восторга, с которым мы принимали в то время августейшую посетительницу.

С отмеченной особенностью Императрицы мне пришлось встретиться еще раз. Через некоторое время в Петергофе праздновался юбилей лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, который осчастливили своим присутствием Государь и Императрица. Как старый конно-гренадер я был на этом юбилее. После завтрака все вышли на террасу. Будучи в то время скромным камер-юнкером, я стоял далеко от Государыни и увидел опять Императрицу такою, какою Она была в день открытия выставки. Она беседовала с высшими военными и придворными чинами, видимо, стесняясь и затрудняясь отвечать на преподносимые по привычке банальные фразы этих лиц. Вдруг неожиданно Императрица перешла через всю террасу, по направлению ко мне, милостиво подала мне руку и с оживлением стала расспрашивать меня о великой княгине, вспоминая подробности кустарной выставки.

В последующие годы я не имел счастья в подобной обстановке видеть Государыню. Рождение нескольких дочерей отозвалось на Ее здоровье: Императрица под влиянием болезни стала все реже и реже показываться в больших собраниях, отдавая все время семье и заботам о горячо любимом Государе. Естественно было желание Царственной Четы иметь Наследника престола. К этому именно времени и относится развитие у Государыни крайней религиозности с оттенком некоторого мистицизма.

Знающий придворную жизнь поймет, что окружавшие Государя и Царицу лица никогда не могли простить Императрице отдаление от общественной жизни. Мелкое самолюбие не останавливалось перед нападками на Государыню Александру Федоровну. Клевета, пожалуй, бессознательная, клевета мелких побуждений и личных самолюбивых стремлений стала волной заливать чистую репутацию Государыни. Это совпало с первыми шагами на придворной арене Распутина. Я не хочу в этой главе вскользь касаться этого человека и постараюсь более подробно в дальнейшем изложении моих воспоминаний затронуть этот вопрос. Я далек от мысли выступать его защитником: моя цель – рассеять этот «кошмар старого режима», как нагло называет его в своей книге Пуришкевич.

Он решается называть себя монархистом и, с цинизмом повествуя об убийстве Распутина, позволяет себе инсинуации на Императрицу, причем и тут прибегает к обычным приемам самовосхваления и лжи, сделавшим его думским шутом. Его записки изданы после революции; в них, кроме указанных выше побуждений, сильно проскальзывает рабское желание угодить «новым господам» не без тайной надежды, что, может быть, и у этих «освободителей»

окажется секретный фонд, из которого он может черпать за свою службу деньги, как это было с секретным фондом департамента полиции.

Не подлежит сомнению, что в этот период Императрица стояла настолько далеко от государственных дел, что враги ставили Ей в вину это отдаление, говоря, что Государыня совсем погрязла, как они выражались, в делах семейных. Даже от крупных благотворительных дел, как Красный Крест и ведомство Императрицы Марии, Она была устранена, так как дела эти находились в ведении вдовствующей Императрицы. Это особенно вредило ввиду всеобщей любви и обаяния, которым пользовалась вдовствующая Императрица в России благодаря Ее обворожительной приветливости.

Императрица приняла участие в делах государственных, когда на долю Ее царственного супруга выпали тяжелые испытания, вызванные Японской войной и внутренней смутой.

Она тогда во второй раз явилась утешительницей и поддержкой Императора. Смерть П. А. Столыпина лишила Государя талантливого, выдающегося государственного человека и советника. Его преемники не только его не заменили, но своими действиями создавали Государю немало затруднений. Недаром один из них, министр внутренних дел А. Н. Хвостов, заявил сам об отсутствии у него задерживающих центров.

В особенности Императрица вынуждена была ближе знакомиться с государственными делами с момента принятия на себя Государем Императором звания Верховного главнокомандующего и сопряженного с ним постоянного отсутствия из Петрограда. Время было тревожное. Война создавала внутри государства напряженное состояние, и не упрекать, а в большую заслугу необходимо ставить Государыне Ее желание помочь Императору. Но и эта близость проявлялась Государыней с крайней осторожностью и тактичностью.

В начале октября 1916 года, вступив в исполнение обязанностей товарища министра внутренних дел, я имел счастье представляться Императрице. В то время в Государственной Думе происходили резкие антиправительственные выступления, но я не слышал с Ее стороны осуждения: «Все придет в порядок, сказала Государыня мне. – Я уверена в здравом смысле и патриотичности Государственной Думы, которая поймет, наконец, необходимость в переживаемое нами тяжелое время работать совместно с Государем Императором и Его правительством на славу и процветание России».

Еще характернее был разговор Государыни с вновь назначенным директором департамента полиции А. Т. Васильевым, который он мне передал тотчас же после своего представления. И в этом разговоре с лицом, непосредственно руководившим делом полиции, а следовательно и борьбы с антиправительственным движением, Императрица не останавливалась преимущественно на нем, но проявляла особую заботливость в отношении раненых офицеров, сказав А. Т. Васильеву следующие слова: «Моя просьба к вам относительно этих офицеров. Многие из них по роду своих ран и контузии не подходят к условиям военной службы, а между тем, они, как пострадавшие за отечество и вполне дисциплинированные, могли бы быть полезными в полицейской службе. Вот почему желательно, в случае их просьбы, предоставлять им преимущественное право на эту службу».

Где же тон приказания? Где тон Императрицы, захватившей, по словам клеветников, государственную власть? С просьбой, а не с повелением обращается. Государыня к директору департамента полиции, должность которого была, конечно, ниже поста министра.

Как мало вяжется такое обращение с приведенной тем же Пуришкевичем в книге, о которой я говорил, выдержкой из письма Императрицы к великой княгине Виктории Федоровне, в котором Она будто бы говорит, что бывают моменты в истории жизни народов, когда при слабоволии их правителей женщины берутся за кормило правления государством, ведомым по уклону мужской рукой, и что в России такие примеры бывали. Зная сдержанность Государыни, Ее всегдашнюю корректность и нежелание выдвигаться на первый план, я имею основание считать эти сведения новой ложью Пуришкевича, тем более, что вот и иной отзыв об

Императрице великого князя Михаила Александровича, которого никто и никогда не подозревал в неискренности: «Вы не знаете, – сказал великий князь одному из близких мне лиц, – какие чистые любимый брат и Его супруга! Какая взаимная любовь их связывает, а негодяи позволяют себе на них клеветать!» Такого письма быть не могло или, во всяком случае, содержание его совершенно искажено. Пуришкевичу и тут необходимо было порисоваться и привести свои «глубокомысленные» соображения над умирающим Распутиным, чтобы еще раз подчеркнуть, какой патриотический подвиг он совершил. Отбросив это письмо, мы не найдем ни одного факта, что в последнее время перед революцией Императрица взяла всю государственную власть в свои руки.

Как доказательство этого приводились еще указания, что все высшие назначения делались не иначе, как по инициативе или, по крайней мере, по совету Императрицы. Факты и тут противоречат этим измышлениям, особенно если к этому прибавить, что участие Императрицы в этих назначениях приписывалось влиянию Распутина. Очевидно, что это должны быть люди, ему приятные. Остановимся на главном назначении.

После смерти П. А. Столыпина на пост председателя Совета Министров был назначен В. Н. Коковцов, а затем И. Л. Горемыкин. Оба были врагами Распутина и никогда не пользовались расположением Государыни, которая в отзыве об И. Л. Горемыкине говорила: «It est du vieux regime». Министры внутренних дел А. А. Макаров и Н. А. Маклаков тоже не были близкими к Императрице людьми и, в свою очередь, были врагами Распутина. Остаются назначения Б. В. Штюрмера, А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова.

Эти лица Распутина знали, но, за исключением А. Н. Хвостова, в близких отношениях к нему не состояли, а два последних были Императрице почти неизвестны. По поводу назначения Б. В. Штюрмера клеветали особенно интенсивно, не выдвигая при этом даже на первый план влияния Распутина, так как нашли другой, более удобный по обстоятельствам военного времени, повод к нападкам. Императрице приписывали любовь к Германии, возглавление немецкой партии в России и крайнее недовольство войной. Б. В. Штюрмер, которого почему-то считали немцем, был таким образом назначен якобы для проведения этих взглядов Государыни Александры Федоровны. Но Б. В. Штюрмер никогда ни к какой немецкой партии не принадлежал, был православным и человеком крайне религиозным, а клевета по поводу немецких симпатий безусловная ложь, которая опровергается данными «чрезвычайной следственной комиссии», образованной после переворота. Расследование этой комиссии базировалось, главным образом, на произнесенной в Государственной Думе речи Милюкова, который, нагло обвиняя председателя Совета Министров в государственной измене, клялся на думской кафедре, что у него имеются непреложные, уличающие Б. В. Штюрмера, доказательства, которые он предъявит только судебной власти. Увы! и по сей день никто – ни судебная власть, ни следственная комиссия, ни пресса этих «документов» не видела. А клевета сделала свое дело! Замученный «освободителями» в тюрьме, Б. В. Штюрмер перед смертью просил свою жену добиться во что бы то ни стало постановки дела на суд. Однако эта предсмертная и законная воля бывшего премьера не была осуществлена: председатель чрезвычайной следственной комиссии объявил вдове Б. В. Штюрмера, что против последнего расследованием не добыто данных, изобличающих его в каких-либо преступных деяниях. Так возмутительно клеветал и лгал лидер кадетской партии Милюков, до сих пор не доказавший, за какую честную по отношению к Родине работу были получены им двести тысяч рублей «финляндских» денег, переведенных по почте ему на имя швейцара его дома.

Один из самых видных членов указанной выше чрезвычайной комиссии, убежденный революционер, возведенный при Керенском в сенаторы,[2] категорически заявил, что все слухи

[2] Я не называю его фамилии, дабы не навлечь на него гнева партийных товарищей.

о германофильстве Императрицы, клонящемся к ущербу России – сплошная ложь. «Дай Бог, – добавил он, – чтобы побольше было таких русских, как Императрица Александра Федоровна».

Наиболее убедительным доказательством, что явно выраженным просьбам и советам Распутина в вопросах высших назначений Государыня не подчинялась, служит опубликованная телеграмма Распутина, о которой упоминает Пуришкевич: «Назначь Ивана первым, а Степана – вторым, все будет ладно». В ней, очевидно, идет речь о назначении И. Г. Щегловитова председателем Совета Министров, а С. П. Белецкого министром внутренних дел, но назначения эти никогда не были осуществлены. Отсюда, кажется, ясно, что или Распутин не имел такого решающего влияния в этих вопросах на Императрицу или Государь не подчинялся желаниям будто бы захватившей в свои руки власть Императрице.

Я не говорю уже о том, что любовь Государыни к России и забота о сражавшихся с Германией русских воинах занимала все Ее время в течение войны и не подвергается сомнению даже со стороны революционеров.

Преступная клевета не пощадила дочерей Государя. Опровергать эту клевету я считаю оскорбительным для их памяти и для себя недостойным. Ее опровергают теплые молитвы офицеров и солдат их лазарета, которому они отдавали все свое время и свои, полные любви к русским воинам, чистые, молодые сердца, молитвы сотен тысяч беженцев, о которых заботилась великая княжна Татьяна Николаевна. Хотя клевета и не коснулась Наследника престола, но и тут были попытки указать, что благодаря болезни, которой придавалось гораздо более значения, чем она была в действительности, он никогда не будет в состоянии выполнить предстоявшее ему высокое призвание.

В моей памяти живо встает образ великого князя Алексея Николаевича, каким я его видел в последний раз в Ставке в Могилеве.

За завтраком у Государя мне пришлось сидеть напротив Его Императорского Высочества. Я видел здорового, живого и не по-детски умного мальчика. Он пытался разрешать за столом знакомые всем детям задачи со спичками, поражал серьезностью своих вопросов, обращенных к соседям великому князю Георгию Михайловичу и представителям иностранных военных миссий. После завтрака он вступил в оживленную борьбу с французским и итальянским военными агентами, – борьбу, исключавшую всякую возможность предположения о серьезной болезни.

Глава IV

События 6 января 1905 года во время крещенского парада. Рабочие волнения. Зубатовщина. Усмирение рабочих 9 января. Убийство вел. кн. Сергея Александровича 4 февраля в Москве. Влияние этого события на вел. кн. Елизавету Федоровну. Посещение ею в тюрьме Каляева – убийцы великого князя.

Трагическая гибель Российского Самодержца и Его августейшей семьи ложится тяжелым позором, конечно, не на весь русский народ, но на оппозиционные и революционные партии, подготовившие падение существовавшего в России векового строя, не учитывая всех последствий переворота и тем самым вызвавшие цареубийство, подобного которому, по его кошмарной обстановке, не знает история. Нельзя себе представить, чтобы Императорская власть, создавшая Россию после Смутного времени и доведшая ее в течение трехсот лет до положения великой державы, с которой считался весь мир, могла пасть неожиданно, без предшествовавших этому падению многочисленных обстоятельств и их причин. Изложить их настолько, поскольку мне пришлось самому быть их свидетелем и даже участником, составляет мою дальнейшую задачу.

В 1904 году вспыхнула война с Японией, на которую большинство в России смотрели как на военную прогулку в чаянии будущих легких побед. К несчастью, мы ошиблись в оценке врага и с самого начала понесли ряд тяжелых неудач. Казалось бы, что эти неудачи должны были объединить всех русских людей, без различия партий, для защиты отечества. Но наши оппозиционные и революционные партии имели свою особенную психологию: они видели в военных неудачах средство для борьбы с правительством, стремясь к достижению своих целей, о которых я уже говорил. Они прекрасно понимали, что все теоретические партийные положения, как бы идеальны они ни были, чужды массам, а потому бросили в народ тот лозунг, который повторили и в 1917 году и который на этот раз дал неожиданный исход: для России – большевизм, а для них, – не павших от большевистских штыков и пуль, – бегство за границу. Этот лозунг, всесильный среди русского крестьянства во все исторические, со времен Пугачевщины, моменты его жизни, был наделение крестьян землею, что вернее было бы назвать приглашением их к грабежам и захватам этой земли.

Начало Японской войны ознаменовалось крестьянскими погромами в Полтавской и Харьковской губерниях и сопровождалось обычными в таких случаях поджогами и разграблениями помещичьих усадеб, насилиями и убийствами. Власть не растерялась,[3] и с этим местным движением, прорвавшимся наружу, правительство справилось, но зажигательный лозунг продолжал тлеть в крестьянской среде, и с ним Россия перешла в роковой для нее 1905-й год.

К крестьянскому движению присоединилось и возникшее задолго до того движение среди рабочих, прорывавшееся отдельными вспышками, как результат революционной пропаганды. Благодатной почвой для этой пропаганды служило стремление фабрикантов к чрезмерной наживе, часть которой эти слепые люди, рубившие под собою сук, употребляли на поддержку революционных организаций. Ярким примером может служить московский миллионер Савва Морозов. Его фабрики давали ему 80 процентов на капитал. Он много делал для облегчения быта рабочих, но все это не предотвратило его гибели с момента активного его участия в революционном движении. Уже тогда среди капиталистической Москвы появлялись силуэты и других деятелей революционных событий 1917 года: Гучкова, Рябушинского, Зензинова и им подобных.

[3] Напр., Харьковский губернатор князь И. М. Оболенский.

Для царской семьи этот год начался зловещим предзнаменованием. 6 января, во время Крещенского водоосвящения, из одного из орудий гвардейской конной артиллерии, выстроенных около здания биржи, для производства салюта, последовал выстрел картечью, осыпавшей помост, на котором был Государь Император и царская семья, и Зимний дворец. Расследование показало небрежность со стороны подлежащего военного начальства, и дело было отнесено к случаю, хотя «случайность» такого выстрела требует очень сильного воображения, и несомненно, что в самой батарее или среди близких к ней людей были члены революционных партий, знавшие обычную халатность в этой части войска и ею воспользовавшиеся.

Вторым тяжелым предзнаменованием были рабочие демонстрации 9 января. О них много писалось, они получили даже специальное название «зубатовщины» и грандиозностью своих размеров отчасти были обязаны неумелому вмешательству департамента полиции в рабочее движение.

По моему мнению, в неудачном вмешательстве проявилась обычная несогласованность всей правительственной системы и решающее влияние отдельных лиц, благодаря которому с переменой руководителей какого-либо серьезного мероприятия оно видоизменялось до неузнаваемости или совсем погибало. Так было и в настоящем случае. Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов был убежденным сторонником вмешательства правительства в рабочее движение, считая, что содействие и поддержка экономических пожеланий рабочих есть средство взять самое движение в свои руки. Его убежденное отношение к делу привлекло внимание московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича и московского обер-полицеймейстера, генерала Д. Ф. Трепова, которые сделались не только покровителями задуманных Зубатовым рабочих организаций в Москве, но усиленным пропагандированием их перед министром внутренних дел и департаментом полиции и добились распространения этих опытов на другие города. Апогеем успеха Зубатова была многотысячная патриотическая манифестация рабочих перед памятником Императору Александру II в Москве в день празднования 19 февраля освобождения крестьян от крепостной зависимости. Было совершенно бесцельно указывать великому князю и генералу Трепову на опасность таких опытов, что мне пришлось сделать в одном из заседаний у генерал-губернатора, заменяя прокурора Московской судебной палаты, гофмейстера Посникова, в качестве его товарища. Эти возражения вызвали даже некоторое неудовольствие великого князя против меня. Для более широкого развития своей идеи Зубатов был переведен в С.-Петербург, назначен заведующим особым отделом департамента полиции и в этом качестве имел полную возможность создать рабочие организации в наиболее многолюдных фабричных центрах. Прекрасная по своему замыслу задача оказалась, однако, не под силу, что и было совершенно естественно, так как департамент полиции не имел для ее выполнения надлежащих людей. Рабочие организации попали в руки революционеров и сделались не только очагами пропаганды, но повлекли за собой устройство стачек. Антиправительственное направление особенно резко выразилось в Одессе, где поставленные Зубатовым руководители рабочих Шаевич и Вильбушевич организовали грандиозную забастовку, сопровождавшуюся насилиями. Со стороны министерства внутренних дел последовала вторая ошибка: оно так же легко стало на путь преследования этих организаций, как легко в начале им покровительствовало. Никто не задумался над необходимостью исследования недостатков в стремлении их исправить. Автор этих начинаний, Зубатов, был уволен со службы, и в С.-Петербурге во главе рабочих организаций стал Гапон, по инициативе которого и было устроено шествие 9 января.

Странно было бы приписывать событие 9 января только указанному выше обстоятельству, а именно неумелому вмешательству министерства внутренних дел. К нему приложили руку революционеры, для которых удача была бы громадною победою, а неудача и вызванное ей подавление, с неизбежными человеческими жертвами, – озлобление среди рабочих масс, возможность обвинить правительство в систематическом и даже преднамеренном избиении

рабочих. Революционные заправилы прекрасно знали настроение нашего общества, склонного всегда верить лжи и клевете, раз они направлены против правительства. Ведь сделали же из 109 человек, убитых и раненых при этой демонстрации, – тысячи погибших рабочих, как об этом было неоднократно упоминаемо во всех революционных изданиях! И этому верили, этого нельзя было опровергать, так как в ответ вы слышали обычные заявления: что вы говорите, об этом было написано в газетах!

Упоминая о таком настроении общества, я должен отметить довольно оригинальную в этом отношении черту. Большинство русской интеллигенции считало долгом с утра прочитать какую-нибудь либеральную газету и почерпнуть из нее все сплетни, запасшись одновременно на весь день готовыми политическими «соображениями», так как собственных мнений у рядового читателя не было.

Кроме военных и государственных осложнений 1905-й год начался и личным тяжким горем для царской семьи. 4 февраля в Москве был зверски убит великий князь Сергей Александрович. Как раз в этот момент я находился в кабинете тогдашнего с. – петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова. Он пользовался особым расположением убитого, и сообщенные по телефону сведения об этом несчастьи его сильно потрясли, и он глубоко сожалел, что не мог выехать в Москву на погребение.

Д. Ф. Трепов был всегда непосредственным человеком и плохо скрывал проявление сильных чувств, когда они его охватывали. Такая непосредственность прорвалась на этот раз в крайне резкой форме, подобной которой нет в истории русской бюрократии. Вот что рассказал мне бывший в то время вице-директором департамента полиции Н. П. Зуев. Взволнованные известием об убийстве великого князя директор департамента полиции А. А. Лопухин и Н. П. Зуев обсуждали в служебном кабинете необходимые мероприятия. Вскоре к ним присоединился и министр внутренних дел А. Г. Булыгин, которого особенно близко связывала с великим князем прежняя служба в Москве. Раздался звон шпор, и в кабинет без доклада быстро вошел генерал Трепов. Не подав никому руки, он в повышенном тоне обратился к А. А. Лопухину с короткой фразой: «Этим мы вам обязаны» – и, не вступая в дальнейшие разговоры, так же быстро удалился. Очевидно, генерал Трепов имел в виду те пререкания, которые были у него, как московского обер-полицеймейстера, с директором департамента полиции по вопросу об ассигновании надлежащих средств на охрану великого князя.

Я выехал в Москву в тот же вечер и дежурил у гроба почившего, как бывший, до назначения курским вице-губернатором, секретарем Ее Императорского Высочества по дамскому комитету Красного Креста.

Великой княгине пришлось в буквальном смысле слова собирать разорванные части тела убитого на Кремлевской площади ее супруга. Понятно, какое сильное нравственное потрясение вызвало в ней это трагическое событие. Потрясение это охватило ее всецело не только в первые дни, но оставило след на всю дальнейшую жизнь. Я никогда не забуду той ужасной по своей простоте минуты, когда в 3 часа ночи накануне погребения, во время одного из моих дежурств при гробе, в церковь из соседней комнаты вошла великая княгиня. Она двигалась автоматической походкой, видимо, не вполне сознавая свои действия. Медленно подошла она к усопшему и, приподняв покров, стала что-то поправлять в гробу, где лежало изуродованное тело. Мы, дежурные, замерли, боясь шевельнуться. Быстрыми шагами к великой княгине приблизился состоявший при ней гофмейстер Н. А. Жедринский и увел ее во внутренние покои. Не менее трагичен и другой эпизод этих скорбных дней, о котором мне передавал тот же Н. А. Жедринский. Взрывом бомбы был тяжело ранен любимый и безгранично преданный великому князю его кучер, который вскоре скончался в больнице от ран, причем его похороны предшествовали погребению великого князя. Рано утром Н. А. Жедринскому дали знать по телефону, что великая княгиня в простой карете уехала на похороны. Н. А. Жедринский поспешил в больницу и встретил погребальную процессию в пути. Непосредственно за гробом медленным

шагом, не обращая никакого внимания на окружающих, шла великая княгиня. Н. А. Жедринский не решился ее беспокоить и направился вслед за процессией. Пешком дошла великая княгиня до кладбища, отстояла литургию и отпевание и последовала за гробом до могилы. По окончании погребения она так же автоматически направилась к выходу, не замечая, что попадает в снег. Н. А. Жедринский поспешил за ней и помог ей сесть в карету. Все, имевшие случай видеть и беседовать с великой княгиней, знают ее любезность, которая особенно ярко проявлялась в отношении близких к ней лиц. Преимущественным ее расположением пользовался гофмейстер Жедринский. «Великая княгиня не узнала меня и только склонила голову, садясь в карету», – закончил свой рассказ Н. А. Жедринский.

Таким нервным потрясением объясняется посещение великой княгиней убийцы ее супруга, террориста Каляева в тюрьме.

С чувством всепрощения и христианской любви беседовала она с преступником, оставив в его камере небольшую икону.

Этот высокохристианский акт произвел на Каляева потрясающее впечатление, о котором свидетельствует подлинное письмо Каляева к великой княгине, – с содержанием его мне пришлось ознакомиться. В этом письме ярко выражается внутренняя борьба человека, который не мог не почувствовать необычайного духовного величия августейшей супруги своей жертвы, и чувство террориста, как бы оправдывающегося перед своими партийными единомышленниками в невольном проявлении человечности и скрытых где-то в глубине души и незаглушенных окончательно нравственных начал.

Глава V

Служба вице-губернатором в Курске. Демонстрация учащихся. Крестьянские погромы в Дмитровском и Рыльском уездах. Ревизия Суджанской уездной земской управы. Высочайшая милость к отцу погибшего командира миноносца «Стерегущий», лейт. Сергеева.

После погребения великого князя Сергея Александровича я отправился в Курск, где уже замечалось сильное брожение среди учащихся, в особенности землемерного училища, и велась деятельная революционная пропаганда так называемым третьим элементом Курской Земской управы, которому удалось, наконец, вызвать уличную демонстрацию молодежи. Произошло столкновение с полицией. Конечно, в революционной печати появились неизменные сообщения об избиении участников демонстрации, причем мне, несмотря на отсутствие мое из Курска, приписывалась руководящая роль. Действительно, возвратившись из Москвы в Курск, я принял в этом избиении, если можно так выразиться, участие, произведя дознание вместе с прокурором Харьковской судебной палаты С. С. Хрулевым, который лично присутствовал при всех моих допросах. Дознание точно установило отсутствие со стороны чинов полиции каких-либо насильственных действий.

Крестьянские погромы 1904 года передались в Курскую губернию в конце февраля 1905 года. Губернатор Н. Н. Гордеев, получив известие о разграблении нескольких помещичьих усадеб, командировал меня с эскадроном Новороссийского драгунского полка в Дмитриевский уезд, где впервые вспыхнули волнения. В ночь мы прибыли в г. Дмитриев по железной дороге, откуда до места погромов нам пришлось двигаться на лошадях. В этой командировке приняли участие и судебные власти, в лице участкового товарища прокурора и судебного следователя по важнейшим делам. Как бывший кавалерист, я понимал, что эскадрону предстоит трудный переход, ввиду двадцатипятиградусного мороза, тем более, что я решил прибыть на место погромов в тот же день. Считая, что требовать от других перенесения этих трудностей можно только тогда, когда лично показываешь пример, я сел верхом на казенную лошадь и выехал из г. Дмитриева во главе эскадрона. Сделав верст 20, мы увидели несколько больших пожаров в разных местах. Мне предстояло или идти по местам пожаров, или двинуться им прямо наперерез и тем предотвратить разгромы имений, еще не пострадавших. Я выбрал последнее и оказался прав, так как, пройдя еще верст 20, мы наткнулись на только что начинавшийся погром в усадьбе Шауфуса. По пути нам пришлось проходить через догоравшее имение Волкова. В нем был прекрасный конский завод и значительное количество племенного скота. Мы наткнулись на трупы лошадей и коров с перерезанными сухожилиями на ногах и выпущенными внутренностями. Бессмысленная жестокость, в которой уже зарождались инстинкты современного большевизма!

В имении Шауфуса драгуны разогнали грабителей, пытавшихся на санях увозить помещичье имущество. Я арестовал и взял с собою, воспользовавшись теми же подводами, 20 человек преступников. Товарищ прокурора и судебный следователь, ехавшие в экипаже непосредственно за эскадроном, были очевидцами попытки увоза награбленного. Мне нужно было сделать еще 8 верст до села Дубовицы, где находились главная контора управления и конский завод барона Мейендорфа. Лошадь подо мной качалась от усталости, но мы все-таки исполнили свою задачу.

Село Дубовицы отделено от конторы узкой дамбой. Переехав ее, я услышал позади следовавшего за мной эскадрона громкие крики и, вернувшись назад, узнал, что когда эскадрон уже втянулся на дамбу, один из крестьян ударил колом по голове ехавшего за эскадроном вахмистра. Площадь была залита народом, настроение которого было крайне враждебное. Я повернул эскадрон и тут же перед толпой приказал дать задержанному 25 розог. Шум и враж-

дебные возгласы сразу умолкли. Это телесное наказание, к которому мне пришлось прибегнуть, я применил на другой день в селе Додром еще только к одному крестьянину за упорное нежелание возвратить награбленное имущество.

Революционная пресса целые года обвиняла меня в применении телесного наказания к сотням Дубовицких и соседних с кафедры Государственной Думы при обсуждении бюджета главного тюремного управления в моем присутствии. Краткими возражениями я прекратил нападки Черносвитова, услышав от него сконфуженное замечание: «Да, ведь об этом писали в газетах». Нельзя не отметить, что, печатая отчеты о думских речах, ни одна газета не поместила ни моего возражения, ни ответа Черносвитова. Невольно напрашивается вопрос: какое отношение имели крестьянские погромы в Курской губернии к крестьянам? И даже член Государственной Думы от кадетской партии Черносвитов, бывший одновременно со мной товарищем прокурора Владимирского окружного суда, поднял этот вопрос обсуждению тюремного бюджета.

Я остановился в конторе имения, а во дворе Дубовицкой экономии были собраны к моему приезду все волостные старшины Дмитриевского уезда, причем впереди них обращал на себя внимание своим почти вызывающим видом молодой высокий блондин, как оказалось, волостной старшина той волости, где было разгромлено имение Волкова, и погромы других помещичьих усадеб были самые многочисленные. Земский начальник доложил мне, что означенный старшина не только не принимал никаких мер к предупреждению насильственных со стороны крестьян действий, в силу лежавших на нем по должности обязанностей, но был вдохновителем и подстрекателем крестьян к грабежам. Я тут же приказал снять с него цепь, как признак удаления от должности, и отправить под арест, так как земский начальник добавил, что он имеет передать судебным властям находящиеся в его руках документы и доказательства виновности этого волостного старшины.

Вслед за тем мне было доложено, что несколько соседних деревень собрались ночью разгромить сахарный завод барона Мейендорфа, отстоявший от села Дубовиц в 12 верстах. Командир эскадрона просил меня дать немного передохнуть лошадям, на что, конечно, нельзя было не согласиться. В полночь полуэскадрон, под командой штабс-ротмистра князя Гагарина, направился к заводу и по дороге встретил и разогнал четыреста подвод, ехавших на погром.

Моя задача была закончена. Из окон я видел только пожары, происходившие в соседней Орловской губернии и повторявшиеся в течение нескольких дней. Там была применена иная система, и орловский вице-губернатор, генерал Бельгард, шел все время по пути пожаров. Через несколько дней приехал прокурор Харьковской судебной палаты, чины прокурорского надзора и следственной власти для производства предварительного следствия. Ввиду наступившего в уезде успокоения, я собирался уже выехать обратно в Курск, как получил от губернатора телеграмму о том, чтобы оставить драгун в селе Дубовицах и выехать в Рыльский уезд, где был уже разгромлен один сахарный завод и погром угрожал заводу Терещенко.

Командир эскадрона категорически заявил мне, что он меня одного не отпустит, и, сдав команду старшему офицеру, рано утром выехал со мной в Рыльский уезд. К вечеру мы прибыли на завод Терещенко. У ворот стояли часовые резервного пехотного полка. В конторе меня встретил исправник, командир роты капитан Григорьев, управляющий заводом и его семья. Все эти лица имели испуганный вид. Я выслушал доклад исправника о происшедшем накануне разгроме одного из заводов, причем во главе крестьян стояли бывшие в масках, не принадлежавшие к крестьянской среде лица, которые во время разгрома завода занимались игрой на рояле. Завершив свое преступное дело, крестьянская толпа, предводимая теми же лицами, направилась к заводу Терещенко, администрация которого уже в предшествующую ночь ждала нападения. По полученным исправником к моменту моего приезда сведениям, толпа задержалась в дороге разгромами усадеб и нападения нужно было ожидать с часу на час. «Я считаю нужным доложить, – закончил исправник свой рапорт мне, – что находящаяся на заводе

рота пехоты крайне ненадежна. Она наполовину состоит из призванных запасных, большей частью местных рабочих, которые, вступая вчера вечером на завод, дружески раскланивались со своими бывшими товарищами». – «А разве не прибыл еще дивизион Одесского драгунского полка», – спросил я исправника, который ответил мне отрицательно, добавив, что никаких сведении по этому поводу он не имел.

Капитан Григорьев являлся типом старого фронтового служаки, не знающего сомнений и колебаний, раз дело идет об исполнении долга. Он мне подтвердил мнение о составе и настроении своей роты и на мой вопрос, что же он думает делать в случае нападения, ответил, что у него в карманах два револьвера, а третий в кобуре. «В случае неповиновения, – продолжал капитан Григорьев, – я расстреляю все патроны, оставив для себя последний».

Эти старые воспоминания отвлекают меня несколько в сторону и вызывают невольные сравнения, доказывающие, как мало пользы принесли нам уроки прошлого. В то время для завода Терещенко опасность в вызове запасных из рабочих для усмирения своих сотоварищей была не особенно велика. Но она оказалась громадной, когда в 1916 и 1917 годах в Петрограде сосредоточивалось около 200 тысяч запасных, среди которых было значительное количество местных фабричных. На этот раз ошибка оказалась роковой, и правительство своими руками создало военный бунт, погубивший Россию.

Под неприятным впечатлением сделанных мне докладов я сел за обед, к которому пригласил нас управляющий. Его домашние, а в особенности дамы были крайне взволнованы. Мои старания поднять настроение и успокоить измученную вторым днем ожидания погрома семью управляющего имели мало успеха. Во время обеда в столовую вошел дежурный полицейский урядник и доложил, что прибывший командир дивизиона Одесского драгунского полка, подполковник барон Врангель, желает меня видеть. Я поспешил просить его в столовую, и вошедший, занесенный снегом после 6-верстного перехода, командир доложил, что прибыл с двумя эскадронами своих драгун. Я попросил его тотчас же сменить пехотных часовых, а капитана Григорьева немедленно отправиться по железной дороге со своей ротой к месту своего постоянного расположения. Драгуны выслали конные разъезды. Появление кавалерии испугало, повидимому, надвигавшуюся на завод толпу и заставило ее возвратиться обратно. Слава Богу, удалось избегнуть столкновения с погромщиками, а завод тем не менее был спасен.

Лежащая около завода слобода насчитывала до 2000 человек – участников сельского схода, который я приказал собрать на другой день в волостном правлении. Я разъяснил сходу преступность и недопустимость погромов и выразил уверенность, что они на это не пойдут. Толпа отвечала сочувственными возгласами, а некоторые, стоявшие впереди, с улыбкой заявили: «Мы по Дубовицам знаем, что Ваше Превосходительство шутить не любите». Выражение – характерное, указывающее, как можно своевременно примененным наказанием избежать необходимости подавлять волнения оружием.

Мои распоряжения, вызвавшие отмеченное выше настроение крестьян и предупредившие возможность усмирения их вооруженной силой, впоследствии были поставлены мне на счет революционными деятелями. Они, в целях создать среди крестьян революционное настроение путем озлобления их против правительства, не считались с человеческими жертвами, неизбежными при столкновении погромщиков с войсками.

Мне больше нечего было делать на заводе, и я возвратился в Курск, куда в это время приехал, ввиду охвативших Курскую и соседние губернии крестьянских волнений, специально посланный Государем Императором генерал-адъютант Пантелеев, которому я доложил обо всем происходившем и принятых мною мерах. Он благодарил меня от имени Государя Императора, что мне удалось восстановить порядок без человеческих жертв.

Эта благодарность еще раз отмечает, как относился Государь к пролитию народной крови, посылая, чтобы от Него не была скрыта истина, своих генерал-адъютантов в места беспорядков.

Я говорил уже о противоправительственной деятельности Курской губернской земской управы. Курскую губернию надо было считать тем не менее скорее консервативной, а антиправительственное направление, кроме губернской земской управы, выражалось особенно интенсивно в Суджанском земстве, во главе которого стоял известный впоследствии кадетский деятель князь Павел Долгоруков, выдвигавшийся в 1905 году молвой как кандидат на Императорский престол. Поглощенный партийной работой, он, конечно, считал ниже своего достоинства детально входить в хозяйственную сторону земского дела. Оппозиционное настроение в Судже обеспокоило, наконец, губернатора Н. Н. Гордеева, который решил, по-видимому, вступить с политиканствовавшими земцами в борьбу. Однажды вечером я заехал к губернатору и застал его в беседе с начальником губернского жандармского управления по вопросу о возбуждении уголовного преследования за политические преступления против особо выдававшихся своей деятельностью суджанцев и, главным образом, против секретаря уездной земской управы Волкова, который фактически заменял собой парившего в высях кадетской политики князя Долгорукова. Губернатор ознакомил меня с содержанием разговора, который я застал, и просил высказать мое мнение. Я заявил, что по старой прокурорской практике пришел к убеждению, что занятия «революцией» всегда дурно отзываются на земском хозяйстве, поглощая иногда и часть общественных денег, думаю, что Суджанская земская управа не составляет в этом случае исключения и что было бы более целесообразным поставить борьбу с ней не на политическую почву, вызывающую всегда общественное негодование на правительство, тормозящее будто бы земское дело. Правильнее было бы свести это на почву уголовную, воспользовавшись принадлежащим губернатору правом ревизии земских учреждений. Н. Н. Гордеев вполне разделил мои соображения и просил меня принять на себя ревизию. На этом мы согласились, и через несколько дней я выехал в Суджу в сопровождении чинов губернского по земским и городским делам присутствия и опытных бухгалтеров казенной палаты. В Судже я князя Долгорукова не застал и меня встретил на другой день, при посещении земской управы, ее «знаменитый» секретарь Волков. Передо мной стоял умный и хитрый русский мужик (Волков вышел из крестьянской среды) с проницательным и жестким взглядом. Когда я сел в зал заседания, он обратился ко мне с вопросом, что мне угодно видеть, и, на мой ответ, что я желал бы прежде всего ознакомиться с книгами, Волков с улыбкой указал мне на дверь в соседнюю комнату, заявляя, что в ней помещается библиотека и склад земских изданий. Я возразил, что посмотрю на библиотеку потом, мимоходом, а что в настоящее время меня, интересуют бухгалтерские книги управы и, в особенности, главная книга, из которой мне будет ясна вся хозяйственная и денежная часть управы. Крайне смущенный Волков подал мне эту книгу.

В бытность мою товарищем прокурора Московской судебной палаты на меня было возложено обвинение по громкому в то время процессу С. П. Мамонтова, обвинявшегося в растрате пяти миллионов рублей из средств Московско-Архангельской железной дороги. Счета были крайне запутаны, и одна бухгалтерская экспертиза обнимала целый том следственного производства. Чтобы разобраться в этом материале и не зависеть исключительно от мнений экспертов, я в течение двух месяцев изучал бухгалтерию у одного из самых опытных преподавателей в Москве Прокофьева и под конец мог не только свободно разбираться в бухгалтерских книгах, но даже их вести.

В настоящем случае эти знания мне пригодились. Поверхностного взгляда на страницы главной книги было достаточно, чтобы прийти к заключению о хаотическом способе ее ведения: в ней отсутствовали не только ежедневные балансы, но и месячные, а также сомнительным казался перенос прошлогоднего баланса. Я спросил Волкова, может ли он по главной книге сказать мне о балансе сумм земской управы ко дню ревизии, и получил ответ, что это потребует продолжительной работы и сличения с книгами вспомогательными. Тогда я потребовал все книги и вместе с прибывшими со мною чинами приступил к составлению баланса. Это оказалось нелегким делом, и мы просидели за ним более недели, работая с утра до позднего вечера.

Наше внимание на первых порах привлекли многочисленные статьи в книге материалов, напоминавшие мне знаменитые мамонтовские статьи «издержек в производстве», где обыкновенно показывались израсходованные суммы, которых нельзя было обосновать. Баланс дал ничем не оправдываемый дефицит в 60 тысяч рублей. Волков объяснил, что эта сумма заключается в материалах земской сапожной мастерской, склад которых находился в местечке, отстоящем от Суджи в 40 верстах. На другой день мы выехали в это местечко, где подробно проверили склад. Материалы в складе действительно оказались, но стоимость их по подсчету далеко не достигала 60 тысяч рублей. Таким образом, израсходование части общественных денег оправдано быть не могло и, вероятно, ее нужно было искать там, куда меня так любезно приглашал Волков, а именно в библиотеке земских изданий, из числа которых нелегальные брошюры были частью распространены в народе, а частью были скрыты к моему приезду.

Результаты ревизии я представил губернатору, и он передал их в губернское по земским и городским делам присутствие для возбуждения уголовного преследования, а Волков вынужден был оставить свою должность. За отъездом из Курска я не знаю, какая участь постигла это дело, столь характерное для либеральных защитников русского народа, деньгами которого они распоряжались, так как всем хорошо известно, что земские сборы с крестьян в большинстве губерний далеко превышали казенные.

Моя служба в Курской губернии закончилась событием, которому я придаю особую важность и которое, если только это возможно, усилило мою любовь и безграничную преданность Государю Императору.

На богатом для нас несчастьями Дальнем Востоке случилась еще одна катастрофа, причинившая русским людям тяжелое горе, но вместе с тем вызвавшая и чувство национальной гордости к своим родным героям: погиб миноносец «Стерегущий». Всем памятно геройское поведение его командира, лейтенанта Сергеева, увековеченное удивительно идейным памятником этому подвигу в Петербурге. В Курске проживал престарелый отец лейтенанта Сергеева. Он был болен и жил в небольшом домике на скромную пенсию за свою долголетнюю службу. Это обстоятельство случайно сделалось известным губернатору, который написал по сему поводу письмо морскому министру. Отправив это письмо, губернатор уехал на несколько дней в отпуск, и я вступил в управление губернией. Через день, около 7 часов вечера, мне подали телеграмму с надписью «высочайшая». Я вскрыл ее и увидел подпись Государя. В телеграмме заключалось повеление губернатору лично отправиться к старику Сергееву и передать ему высочайшее соболезнование его горю и трогательную оценку погибшего сына. Приказав предупредить Сергеева о моем посещении, я тотчас же в парадном придворном мундире отправился к нему и застал одинокого больного старика, сидевшего беспомощно в кресле. Он был крайне удивлен моему приезду, но удивление перешло в неописуемую радость, когда я прочел ему телеграмму Государя. Старик расплакался, прося меня повергнуть пред Его Императорским Величеством верноподданническую благодарность.

Я никогда не забуду этих слез, а вместе с ними и того отеческого внимания, которое было проявлено Государем по отношению к своему подданному. Непосредственно Государю донес я об исполнении выпавшего на мою долю отрадного поручения.

Глава VI

Служба минским губернатором. Первое на меня покушение. Всеобщая железнодорожная забастовка. Манифест 17 октября 1905 года. Вооруженное столкновение с демонстрантами на Минском вокзале. Вызов в Петербург. Свидание с только что ушедшим министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. Знакомство с новым министром внутренних дел П. Н. Дурново. Свидание с министром юстиции С. С. Манухиным. Возвращение в Минск.

После этих событий мне пришлось пробыть в Курске не долго, так как летом я был назначен минским губернатором.

В Минскую губернию я прибыл при крайне неблагоприятных обстоятельствах. В течение предшествовавшей моему приезду зимы там происходили серьезные беспорядки и уличные демонстрации, в которых принимали участие воспитанники учебных заведений. Губернатор граф Мусин-Пушкин не только не справился с этими демонстрациями, но был вовлечен в одну из них, причем манифестанты, во время шествия, воспользовались красной подкладкой его форменного пальто, как революционной эмблемой. Губернская администрация и полиция были распущены до крайности, и я вынужден был на первых же порах удалить от должности правителя канцелярии и полицеймейстера.

Через несколько дней после моего прибытия, выйдя на балкон, я увидел разносчиков газет, бегавших по улицам с отпечатанными на розовой бумаге телеграммами, что, как мне еще раньше объяснили, служило в Минске сигналом к забастовкам и уличным демонстрациям. Магазины стали поспешно закрываться, а на улицах собираться толпы манифестантов. Эти демонстрации в течение дня рассеивались полицией, причем, к счастью, никаких столкновений не происходило. В 4 часа дня на Губернаторской улице собралась большая толпа, которая уже не пожелала подчиниться требованиям полиции разойтись и смяла наряд городовых. Тогда я приказал вызвать казаков 2-го Донского полка. Ввиду происходивших все время в Минске беспорядков, командующий войсками Виленского военного округа усилил Минский гарнизон, в составе одного резервного полка пехоты и артиллерийской бригады, сотней казаков и двумя эскадронами драгун. В течение всей моей административной службы я был врагом применения пехоты для подавления беспорядков, так как прекрасно знал, что при современном состоянии оружия столкновение толпы с пехотными частями неизбежно влекло за собой значительные человеческие жертвы, а потому прибегал всегда в таких случаях к кавалерии. Вызванные и на этот раз казаки пытались рассеять толпу, не употребляя оружия даже и тогда, когда из толпы были произведены выстрелы, ранившие одного казака и одну лошадь. Казаки только оцепили часть демонстрантов, во главе которых были зачинщики манифестации, и направили задержанных в тюрьму. Я тотчас же подъехал в тюремный замок и объявил доставленным туда манифестантам, что арестовываю их на основании изданного мной обязательного постановления о воспрещении всякого рода уличных сборищ и сопротивления полиции и войскам. Большинство задержанных принадлежало к революционной партии «бунда». При возвращении домой я видел, что на улицах было полное спокойствие, и в душе порадовался, что день этот прошел сравнительно благополучно. Дома меня ждала экстренная работа, так как только что перед тем была получена телеграмма о частичной мобилизации.

Мой кабинет был расположен в первом этаже. В приемной, рядом с ним, собрались вызванные мной для срочной работы чиновники, а в подъезде было несколько человек драгун. Не успел я сесть за свой письменный стол, как раздался взрыв – зазвенели стекла и в доме потухло электричество. Впотьмах я бросился по внутренней лестнице наверх, чтобы успокоить мою жену. Она и прислуга встретили меня с зажженными свечами, и мы все вместе по главной лестнице спустились на первый этаж. Освещенное нами помещение подъезда и приемной

комнаты представляло ужасную картину: на полу лежали стонавшие от ран городовые, драгуны и чиновники. К счастью, убитых не было, но ранения были очень тяжелые. Взрывом разбило на мелкие части окна в приемной, подъезде и расположенной над приемной во втором этаже гостиной. Этими осколками и были изранены находившиеся в этих помещениях лица, причем у одного драгуна было извлечено в больнице 28 мелких кусков стекла. В моем кабинете окна уцелели и только лопнуло одно стекло. Перед домом была найдена окровавленная шапочка велосипедиста, который, очевидно, и бросил эту бомбу. Виновный разыскан не был.

Дальнейшая жизнь в Минске протекала довольно спокойно, хотя частичные забастовки на политической почве и продолжались. Находившиеся в Минске кавалерийские части были заменены второочередным полком казаков Кубанского войска. По прибытии полка в город я пригласил однажды всех казачьих офицеров к обеду. Когда мы садились за стол, я обратил внимание на один пустой прибор и сделал замечание прислуге. Услышав это, командующий полком войсковой старшина сказал мне, что тут – их вина, так как к обеду не явился внезапно заболевший полковой адъютант. Я выразил сожаление и затем забыл об этом инциденте. На следующее утро полицеймейстер доложил мне при рапорте, что казачий офицер, о болезни которого накануне был разговор, ночью скончался, и вынос тела для погребения из военного госпиталя назначен в 4 часа дня. Несмотря на неурочность времени похорон, я не расспрашивал полицеймейстера о ее причинах, так как при рапорте обсуждались серьезные вопросы, и только сказал, что буду присутствовать при погребении. Когда в 4 часа я подъехал к военному госпиталю, то у здания стояла в конном строю полусотня казаков с хором трубачей, а у подъезда собрались командующий полком и все офицеры. На мой вопрос, где находилось тело покойного, мне указали на расположенный рядом с главным зданием одноэтажный деревянный барак. Я стал подниматься по ступенькам крыльца барака, как полицеймейстер, быстро подойдя ко мне, просил внутрь не входить, так как офицер умер от сыпного тифа. Я возразил, что об этом нужно было доложить своевременно, а что в настоящую минуту я сыпного тифа не испугаюсь и буду присутствовать при отпевании. Моему примеру последовали все офицеры, и мы подошли к запаянному металлическому гробу. После краткой литии гроб был поставлен на катафалк, и процессия направилась к кладбищу, причем я всю дорогу шел пешком за траурной колесницей. Тело было опущено в могилу, и я уже собирался уехать, когда командующий полком обратился ко мне с заявлением, что общество офицеров и казаки очень тронуты моим вниманием к их покойному товарищу, а потому просят меня разрешить им выполнить старый казачий обычай. Не понимая хорошо, в чем дело, я конечно, на это согласился. К моему удивлению, я увидел перед воротами кладбища не только указанную выше полусотню, но весь полк в полном составе, который, в силу упомянутого командующим полком обычая, окружил мою коляску и сопровождал меня до квартиры.

Наступил октябрь месяц. Все железнодорожные линии Минского узла, как, впрочем, и всей России, забастовали. 16 октября городской голова сообщил мне, что прекратили работы служащие водопровода и ожидается забастовка персонала электрической станции. Я тотчас же отправился в эти учреждения и заменил забастовавших рабочих вызванными солдатами, благодаря чему рабочие просили разрешения встать вновь на работу и водопровод, и электрическая станция начали действовать совершенно правильно, причем функционирование этих учреждений уже не прекращалось в последующее время. С электрической станции я проехал на вокзал, где уже в течение нескольких дней стоял в карауле батальон резервного пехотного полка для охраны зданий и мастерских. Мне доложили, что никаких эксцессов со стороны железнодорожных служащих не было. Когда я проходил через зал 1-го класса, ко мне подошел один из контролеров службы сборов Жаба и обратился с просьбой разрешить собрание железнодорожных служащих. Я ответил, что ничего против этого иметь не буду, если такое ходатайство будет предъявлено мне со стороны начальника дороги.

«А вы разве не получали никаких указаний из Петербурга?» – спросил меня неожиданно Жаба и на мой отрицательный ответ заметил: «Ну, не сегодня-завтра получите».

Я не придал в то время этому разговору особого значения и только через несколько дней понял, что революционные партии заботились гораздо больше об осведомлении своих провинциальных товарищей о положении дел, чем министерство внутренних дел – губернаторов.

Вечером начальник дороги и повторил мне просьбу, с которой обращался Жаба, и я разрешил собрание в 9 часов утра на следующий день под личной ответственностью управляющего. Утром 18 октября последний заезжал ко мне еще раз, спрашивая, не изменил ли я своего решения, причем в разговоре упомянул о каком-то манифесте, на что я не обратил особого внимания. Только потом, при рапорте полицеймейстера я задал ему вопрос, о каком манифесте идут разговоры? Полицеймейстер ответил, что он только что хотел мне об этом доложить, и объяснил, что в аптеке Венгерова выставлен будто бы высочайший манифест о конституции. В это время в мой кабинет вошел вице-губернатор и, крайне взволнованный, показал мне Манифест 17 октября, отпечатанный в частной типографии, спрашивая меня, не надлежит ли его распубликовать в законном порядке? Я ответил, что ему должен быть известен этот порядок обнародования высочайших манифестов; что никакого манифеста я не получал, а равно и не имел до сего времени каких бы то ни было указаний по этому поводу от министра, посему мы опубликуем его, когда получим официальным порядком. В дальнейшем разговоре я высказал свое опасение, как бы появление манифеста частным образом не вызвало среди населения опасного недоумения, особенно ввиду царившего в последние дни тревожного настроения, и подтвердил полицеймейстеру в точности держаться порядка, выработанного перед этим в особом совещании под моим председательством, на случай волнений. Этим порядком предусматривалась, между прочим, немедленная присылка ко мне конных вестовых на случай перерыва телефона. Наконец я получил высочайший Манифест 17 октября от министра внутренних дел, приказал затем вице-губернатору приступить к немедленному его обнародованию, а полицеймейстеру – доносить мне без замедления о всяком движении в городе.

Столь несвоевременная рассылка манифеста, которая, вероятно, имела место не только по отношению ко мне, но и по отношению к другим губернаторам, повлекла за собой неизмеримые, вредные для всей России последствия. Если принять во внимание, что самый текст манифеста заключал в себе лишь обещания будущих законов, необходимо было о содержании его заранее поставить в известность губернаторов, преподав им определенные указания об общей и единообразной деятельности местных властей при разрешении, по опубликовании манифеста, вытекающих из него практических вопросов. В равной мере неопределенен был и высочайше утвержденный доклад графа Витте, так как он далеко не содержал в себе необходимой с точки зрения правильно понимаемой государственной власти точности и твердости. Произошло нечто невообразимое: в каждой губернии манифест истолковывали и применяли по-своему, что одно представляло уже большую опасность при стремлении антиправительственных партий толковать манифест в самом широком смысле. Отсюда – смута в умах народа, разразившаяся эксцессами и чуть-чуть не доведшая Россию до революции, если бы ее не остановил твердой рукой вновь назначенный тогда министром внутренних дел П. Н. Дурново.

Около полудня мне донесли, что толпа с красными флагами – эмблемой анархии, недопускаемой даже республиканскими правительствами, с надписями «Долой самодержавие» двигается к губернаторскому дому. Вскоре она запрудила всю площадь, я вышел на балкон, и один из руководителей манифестации обратился ко мне с ходатайством принять депутацию, которая представит мне пожелания «свободного» народа. Я обратился к толпе, и поздравив граждан с великой милостью Государя, высказал убеждение, что народ сумеет в такой торжественный день сохранить порядок. Одновременно я просил депутацию войти в мою квартиру.

Революционная пресса обвиняла меня в том, что депутация была встречена в подъезде дома казаками, которых я вызвал. Обвинение, в основе которого лежит недоразумение, а вер-

нее – преднамеренное искажение истины. Дело в том, что с момента вступления в Минск кавалерии, казармы которой были расположены в большом отдалении от центра, а во дворе губернаторского дома находились прекрасное помещение и конюшни, дежурная кавалерийская часть занимала это помещение. Встревоженные криками толпы, казаки выбежали в подъезд дома по собственной инициативе.

Депутация вошла в зал и обратилась ко мне не с просьбой, а предъявила ряд требований, в числе коих было требование о немедленном освобождении всех политических и административных арестантов и о выводе из гор. Минска казаков. Я ответил, что, во-первых, манифест заключает в себе волю Государя об издании законов, гарантирующих Его подданным некоторые свободы, и что до издания таковых я должен руководствоваться законами существующими, придерживаясь в своей деятельности общего, преисполненного милости к народу, характера манифеста. Во-вторых, казачий полк расквартирован в Минске по распоряжению военного начальства, и я не имею ни власти, ни права изменить это распоряжение, что засим, арестованные по политическим делам находятся в ведении следственной власти и прокурорского надзора, от которых и зависит решение вопроса об их освобождении, и, что, наконец, ввиду торжественности настоящего дня, я освобождаю от ареста содержавшихся по моим обязательным постановлениям. Последнее распоряжение я тут же приказал привести в исполнение, а затем обратился к депутации с просьбой удержать своим влиянием толпу народа от всяких беспорядков. В ответ на такую просьбу я неожиданно получил совершенно дикое возражение: не думайте, сказал один из депутатов, что войска по вашему приказанию будут стрелять в народ. На это я должен был заметить, что стрелять я ни в кого не собираюсь, но что беспорядков в городе допустить не могу.

С губернаторской площади толпа направилась к тюрьме. Начальник военного караула предупредил ее, что он не имеет права подпустить ее к караулу ближе 50 шагов и что если манифестанты не подчинятся его законному требованию, он откроет огонь. Такое спокойное, но твердое заявление остановило толпу, которая, дождавшись у тюрьмы последовавшего через несколько минут освобождения административно-арестованных, приветствовала их громкими криками и направилась вместе с ними к Минскому вокзалу.

Здание вокзала охранялось, как я уже говорил, в течение нескольких дней военным караулом, а потому мне не представлялось совершенно надобности вызвать войска. Часть караула была расположена на железнодорожном мосту и дамбе, доминирующих с двух сторон над площадью. Начальником караула был командир батальона, который оказался или малодушным или незнакомым со своими обязанностями офицером и не предупредил демонстрантов о недопустимости близко подходить к караулу. Последними в нескольких шагах перед фронтом был поставлен стол, с которого ораторы начали произносить противоправительственные речи, позволяя себе оскорбительные для Государя Императора выражения. Кто-то вырвал из рук начальника караула шашку и нацепил на нее красный флаг, а толпа стала отнимать у неподвижно стоявшего караула ружья. Этого солдаты не стерпели и без команды открыли беспорядочный ружейный огонь, к которому присоединились услышавшие выстрелы своих товарищей, стоявшие на мосту и дамбе части караула. Такой беспорядочной стрельбой объясняется значительное количество человеческих жертв убитыми и ранеными. Через несколько минут площадь опустела: толпа бросилась бежать, захватив, однако, всех убитых и раненых, что составляет отличительную черту всяких массовых беспорядков, если в них принимают участие в большинстве евреи.

Я находился в это время в своей квартире, не отходя от телефона, так как приказал немедленно мне докладывать обо всем, происходившем в городе. Начальник жандармского полицейского управления Либаво-Роменской железной дороги, генерал-майор Вильдеман фон Клопман передал мне по телефону, что толпа манифестантов подходит к вокзалу и вырывает у солдат ружья, и спросил моих указаний, как ему поступать? Я ответил, что если толпа перехо-

дит к насилиям, он должен передать начальство над вокзалом и прилегающей к нему местностью военной власти и что я тотчас же приеду на место. Прошло не более двух минут, так что моя коляска, стоявшая запряженной, не успела подъехать к крыльцу, как генерал Вильдеман доложил мне, что войска стреляли, толпа разбежалась и площадь пуста.

При таких условиях мне не было надобности ехать к вокзалу и оставлять губернаторский дом, откуда по телефону ежеминутно могла быть необходимость в моих распоряжениях, и я приказал полицеймейстеру собрать врачей и организовать медицинскую помощь, которая прибыла на место, где уже не было ни одного убитого и раненого.

Прекрасно понимая значение происшедшего и предвидя, что несчастное это событие вновь вызовет усиленные инсинуации на меня со стороны революционеров, я просил начальника гарнизона генерал-лейтенанта Ильинского немедленно поручить военному следователю производство следствия о действиях войск, которые были при исполнении служебных обязанностей, а потому подлежали ведению военного суда. По приказанию начальника гарнизона военный следователь, полковник Фишер, отправился тотчас на вокзал.

Этого законного распоряжения мне никогда не мог простить минский прокурор Бибиков, которого я знал еще по своей службе в прокурорском надзоре. Его сразу обуяло стремление к крайнему либерализму, охватившее в эти печальные дни многих чиновников, и то, что, прибыв на вокзал, он застал уже там военного следователя и таким образом был лишен возможности проявить свой новоявленный либерализм, побудило его обрушиться своими обвинениями на администрацию.

Я не говорю уже о том, что события этого дня подействовали так сильно на его здоровье, что он заболел нервным психозом и должен был оставить службу и отправиться лечиться. Овладевшее им чувство он счел долгом высказать мне, приехав для этой цели с вокзала в крайне возбужденном состоянии, и мне стоило значительных усилий его немного успокоить.

Тяжелый день утомил и мои нервы, так что я почти всю ночь не ложился спать. В первом часу ночи прокурор Бибиков по телефону просил меня принять его секретаря по экстренному делу, на что я ответил, что несмотря на позднее время с готовностью приму его или его товарища, беседу же с секретарем считаю излишней. Через два часа ко мне приехал старший товарищ прокурора и, видимо сконфуженный, передал мне бумагу своего начальника, к которой, вопреки всем законам и обычаям, последний счел нужным приложить сургучную казенную печать. В этой бумаге прокурор уведомлял меня, что события на Минском вокзале взволновали город, а потому, во избежание последствий, он, считая, что административная власть потеряла всякий авторитет, для успокоения населения, просил передать вверенную мне власть в руки судебного ведомства. Я передал приехавшему товарищу прокурора, мой письменный ответ, что я назначен губернатором высочайшим указом правительствующему сенату, а потому не считаю себя вправе не исполнять возложенных на меня обязанностей.

На другой или третий день я получил от министра внутренних дел по телеграфу приказание сдать должность вице-губернатору и немедленно выехать в С.-Петербург.

Оказалось, что депутация минских горожан, в числе которых был и городской голова, обратилась к графу Витте с жалобой на мои действия. Я предполагаю, что события были изложены в столь искаженном виде, что граф Витте, высказав депутации, что я – невозможный губернатор, просил министра внутренних дел вызвать меня.

Через день я выехал в С.-Петербург – это был первый, отправленный после забастовки поезд, и я с большими трудностями, частью в товарном вагоне, частью в вагоне 3-го класса – доехал до столицы.

Утром в день приезда доложил по телефону о своем прибытии министру внутренних дел и получил приказание явиться к нему в 4 часа дня. А. Г. Булыгин встретил меня очень любезно и на мой вопрос о причинах вызова ответил: «Я тут ни при чем – это желание графа Витте,

к тому же я уже больше не министр. Поезжайте к управляющему министерством внутренних дел П. Н. Дурново».

Через час входил я в кабинет П. Н. Дурново. «Что вы здесь делаете? Ваше место в губернии» – такими словами встретил меня новый министр. А когда я доложил ему, что я вызван в С.-Петербург и причина вызова мне неизвестна, причем А. Г. Булыгин передал мне, что это желание председателя Совета Министров, П. Н. Дурново, пожимая плечами, сказал: «Черт знает, что такое! Я ничего не понимаю – может быть, об этом что-нибудь знает генерал Трепов», – бывший в то время товарищем министра внутренних дел. Он тотчас же соединился по телефону с генералом Треповым, жившим в том же доме, и просил его немедленно меня принять. Я поднялся наверх и при встрече не узнал генерала Трепова: лицо его сильно осунулось, глаза ввалились и он имел крайне утомленный вид.

«Граф Витте, – сказал мне Д. Ф. Трепов, – требует вашей отставки. Я нахожу вас совершенно правым и никогда под ней не подпишусь».

На другой день я получил приказание явиться к министру юстиции и доложить ему о минских событиях, так как по словам П. Н. Дурново, С. С. Манухин получил по этому поводу какое-то весьма странное донесение от прокурора Минского окружного суда Бибикова.

Я знал С. С. Манухина по своей предыдущей прокурорской службе, когда он занимал должность директора I департамента министерства юстиции. С. С. Манухин был выдающийся юрист, безукоризненно порядочный человек, крайне отзывчивый и в высшей степени любезный. Его считали либералом, но нельзя было не соглашаться с его либерализмом, присущим многим судебным деятелям и выражавшимся в преклонении перед судебными уставами и всеми реформами Императора Александра II, строгом соблюдении законов и искреннем стремлении к добру, а тем менее ставить это ему в вину. Такие люди как С. С. Манухин, при непоколебимости своих убеждений, были безусловно чужды какой бы то ни было оппозиционности правительству. Я ни одной минуты не сомневался, что встречу с его стороны справедливую оценку бывших в Минске событий.

Действительно, когда на его вопрос, что же там произошло, я ответил, что прошу его на основании моего доклада, если он таковой найдет нужным, ознакомиться с содержанием имевшегося у меня документа и представил министру указанную выше бумагу прокурора Бибикова с казенной печатью. Внимательно прочитав бумагу, С. С. Манухин сказал: «Да, ведь это – акт сумасшедшего! Ваш дальнейший доклад излишен. Я отправлю Бибикова лечиться за границу». На этом разговор наш кончился, как и окончились мои петербургские «объяснения», не разрешившие мне причин, по которым я был вызван в столицу.

П. Н. Дурново задержал меня в С.-Петербурге еще несколько дней и при отправлении в Минск напутствовал общими указаниями придерживаться в моей деятельности духа Манифеста 17 октября.

Глава VII

Почтово-телеграфная забастовка. Второе покушение на меня 14 февраля 1906 года. Покушение на полицеймейстера и убийство помощника полицеймейстера. Вторичный вызов в Петербург. Знакомство с гр. Витте. Мое дело в правительствующем сенате и представление по этому поводу Государю Императору. Еврейский и польский вопросы. Предупреждение еврейского погрома. Просьба об увольнении от должности минского губернатора. Окончательный отъезд в Петербург.

Я вернулся в Минск в момент почтовой забастовки. Настроение было крайне напряженное, между тем местное чиновничество, для которого вопрос о перемене губернатора даже и в то смутное время стоял на первом плане, было уверено, что я в Минск губернатором не вернусь, а прокурор Бибиков, уезжая, открыто заявил собравшимся на проводы его лицам, что он привезет меня из С.-Петербурга в тюрьму.

Как громом поразило либеральствовавших чиновников мое возвращение, и они не поскупились на выражения мне преданности, столь неожиданно вспыхнувшей в их сердцах.

На другой день ко мне явилось двое из начальников отдельных частей в виц-мундирных фраках – пиджаки исчезли. Первый – председатель казенной палаты Ястрембский – рассыпался в удивлении к проявленной мной твердости, а второй – управляющий акцизными сборами Дьяков заявил, что он сделал распоряжение, чтобы подведомственные ему чиновники выписывали и читали газету «Свет». Я не могу не отметить эти курьезные на первый взгляд эпизоды, так как они доказывают, насколько неустойчивы были часто местные высшие чины, на которых власти в серьезных случаях приходилось опираться. Кадетствующее чиновничество считало нравственно допустимым получать от правительства содержание и одновременно проявлять по отношению к нему оппозицию.

Через несколько дней из С.-Петербурга стали поступать определенные телеграммы: не допускать никаких нарушений порядка и немедленно покончить с почтовой забастовкой, предложив нежелающим приступить к работе или подать в отставку, и очистить находившиеся в их распоряжении казенные квартиры. Твердость приказаний произвела немедленное действие: забастовка прекратилась и ни о каких публичных антиправительственных выступлениях не было и речи.

Не прекратилась только подпольная работа революционных организаций. Под экипаж ехавшего ко мне с рапортом полицеймейстера была брошена бомба, которая, к счастью, не разорвалась, а через несколько дней я был поражен входом ко мне в кабинет без доклада помощника полицеймейстера, который, остановившись на пороге, произнес только одну фразу: «Ваше превосходительство, в меня стреляли, и я ранен». Так как он моментально исчез, то я, обеспокоенный происшедшим, вызвал по телефону полицеймейстера, от которого и узнал, что его помощник ранен несколькими пулями в спину и прямо от меня проехал в больницу, где тотчас же подвергся операции. Оказалось, что одна из пуль попала ему в почки, и через несколько часов несчастный скончался.

14 января 1906 года в меня была брошена вторая бомба. Я присутствовал в Соборе на заупокойном богослужении по начальнику дивизии; по окончании отпевания я вместе с другими должностными лицами вынес и стал устанавливать на погребальную колесницу гроб усопшего. За мной стоял с крестом в руках Минский архиепископ, преосвященный Михаил, окруженный духовенством. Я почувствовал легкий удар в голову и, думая, что с крыши собора свалился комок снега, так как в это время была оттепель, не обратил на это никакого внимания. Через несколько секунд ко мне подбежал взволнованный правитель канцелярии губернатора со словами: «Ваше превосходительство! Бомба!» Я посмотрел вниз и увидел лежавший у моих

ног четырехугольный сверток в серой бумаге. Полицеймейстер просил меня сесть в экипаж и ехать домой, что я и исполнил. Несколько минут спустя он явился ко мне на квартиру и доложил, что тотчас же после моего отъезда какая-то женщина произвела несколько выстрелов из браунинга, причем прострелила ему воротник мундира и воротник пальто чиновника особых поручений. К счастью, оба эти выстрела не причинили этим лицам никакого вреда.

Одновременно мне сообщили, что весь казачий полк, без офицеров, узнав о покушении на мою жизнь, скачет в город, чтобы расправиться с революционерами. Попытки офицеров удержать людей не достигли результатов, и только когда я послал им навстречу командира дежурной части, хорунжего Обухова, приказав ему передать от моего имени казакам, чтобы они возвратились в казармы и не нарушали порядка, полк тотчас же исполнил мое требование. Таким образом, внимание, оказанное мной умершему казачьему офицеру присутствием на похоронах, несмотря на его смерть от заразной болезни, оказало громадную услугу всем жителям города, предотвратив неизбежную возможность всяких эксцессов.

Преступник, бросивший в меня бомбу, оказался Пулиховым, а стрелявшая из браунинга женщина – дочерью начальника артиллерии IV армейского корпуса Измаилович. Оба были арестованы.

При расследовании выяснилось, что Пулихов бросил бомбу вверх в расчете, что она упадет на землю и разорвется, но она краем оцарапала мне голову, а затем по рукаву вышитого золотом придворного мундира тихо скатилась к моим ногам. В 4 часа дня, за неимением специалистов по разряжению бомб, она была положена в устроенный среди площади, между Губернаторским домом и собором, костер. Взрыв был так силен, что в прилегавших к площади зданиях были выбиты все стекла.

Через несколько дней оба преступника были судимы в военном суде и приговорены к смертной казни, несмотря на то, что я указывал председателю военного суда о нежелательности применения такого наказания, так как совершенное Пулиховым и Измаилович деяние являлось лишь покушением на преступление. Командующий войсками Виленского военного округа заменил для Измаилович, смертную казнь каторжными работами, а в отношении Пулихова приговор суда утвердил.

Ввиду всех этих событий и непрекращавшегося в Минске революционного движения, министр внутренних дел вторично вызвал меня в С.-Петербург для доклада, чему я был очень рад, так как в скором времени в правительствующем сенате должны были быть заслушаны мои объяснения по поводу событий 18 октября.

При свидании с П. Н. Дурново, последний сказал мне, что меня желает видеть председатель Совета Министров, граф Витте. «Вы найдете у него сочувствие вашим взглядам по еврейскому вопросу, хотя я совершенно несогласен с вашим представлением генералу Трепову о необходимости еврейского равноправия», – сказал мне П. Н. Дурново. Я ответил, что после отзыва графа Витте обо мне минской депутации я не желал бы ехать к нему

как бы частным образом и буду у него только в том случае, если получу на это приказание своего министра. «В таком случае – я вам приказываю», – с улыбкой возразил П. Н. Дурново.

На другой день я был у графа Витте и впервые познакомился с этим государственным деятелем.

Несомненно, что граф Витте был большим знатоком железнодорожного хозяйства и тарифного дела. Его считали крупным финансистом, а обстоятельства выдвинули его на пост главы правительства. Мне кажется, что на этом поприще граф Витте далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд. Прекрасно понимая финансовое дело и оказав России громадные услуги по увеличению государственных доходов для покрытия неотложных нужд развивавшегося государственного хозяйства, он, несмотря на свой выдающийся ум по предшествовавшей службе, был дилетантом в вопросах внутренней политики, так как не обладал необходимой для

этого подготовкой. Все его мероприятия в области государственного управления, при самых добрых намерениях, не принесли практической пользы.

Он был создателем фабричной инспекции, в расчете, что этот институт должен урегулировать принимавший острые формы рабочий вопрос. По его мысли, фабричные инспектора должны быть посредниками между хозяевами и рабочими. На практике, часть из этих инспекторов стала на сторону фабрикантов и сразу потеряла всякий авторитет в рабочей среде; другая – подделываясь к рабочим, занялась едва ли не революционной пропагандой. Ни те, ни другие не поняли своей задачи, не поняли и того, что русский человек очень быстро разбирается в лицах, поставленных правительством, ценит справедливость и никогда не относится с уважением к начальству, с ним заигрывающему.

Также мало достигли цели и сельскохозяйственные комитеты, так как либеральная часть общественных деятелей увидела в них нечто вроде парламента.

Мне пришлось принимать участие в одном из таких комитетов, в качестве курского вице-губернатора, и лично убедиться в справедливости изложенного мной мнения. Накануне открытия заседаний вождь левых партий, на частном совещании, внушил своим сотоварищам мысль, что раз комитету никаких законодательных прав не предоставлено, созванные члены должны в определенной мотивированной форме совершенно отказаться от работы. В

начале заседания он просил разрешения губернатора, как председателя, сделать заявление и высказал указанную выше мысль, добавив, что под этим заявлением подписались все присутствовавшие, в том числе представители столь сильного в Курской губернии консервативного направления. Возражений не последовало, и комитету грозил полный крах. Губернатор растерялся и обратился ко мне за поддержкой. Тогда я попросил предоставить мне слово, выяснил значение комитетов и возлагаемую на них правительством надежду и закончил свое обращение к собранию указанием на то, что правительство ожидает от местных деятелей помощи в столь серьезном вопросе, а потому немыслимо в ней отказывать в деле, имеющем громадное значение для крестьянского населения, под предлогом, что власть желает знать мнение общественных деятелей только в этом отношении и не в той форме, какая была бы желательна для некоторых из членов комитета.

Эти мои простые, но искренние слова вызвали неожиданный результат: один из уездных предводителей дворянства, князь Касаткин-Ростовский, пользовавшийся всеобщим уважением, безукоризненно честный и прямой человек, заявил, что накануне их всех ввели в заблуждение и что он считает недопустимым, после сделанного мной разъяснения, отказаться от участия в обсуждении вопроса. Комитет единогласно одобрил мнение князя Касаткина-Ростовского, и оставшийся одиноким, вождь либералов, которого не поддержали даже его единомышленники, оставил зал заседания.

Я считаю, что таким же дилетантизмом и плохим знанием русской действительности страдает Манифест 17 октября в силу своей редакции. Несомненно, что его нельзя было обнародовать, не выработав детально тех законов, обещания которых он содержит, так как в такой форме манифест не мог вызвать сомнений, результатом чего была смута 1905 года. Не внес необходимой ясности и высочайше утвержденный доклад графа Витте, комментировавший манифест, носивший теоретический характер и не содержавший в себе реальных жизненных указаний.

Граф Витте встретил меня в высшей степени любезно, заявив о своем удовольствии познакомиться со мной.

«Вас, вероятно, удивило мое непременное желание вас видеть, о чем я говорил П. Н. Дурново. Я хотел перед вами извиниться за мой отзыв о вас. Ознакомившись с делом, я нахожу, что правительство обязано вам только

благодарностью: вы предупредили в Минской губернии всякие эксцессы», с такими словами обратился ко мне председатель Совета Министров.

В дальнейшем разговоре граф Витте остановился на затронутом мной в письме на имя генерала Трепова вопросе об еврейском равноправии.

«Ведь не можем же мы утопить всех евреев в Черном море! и раз они составляют часть населения Российской Империи и принадлежат к числу русских подданных, – всякие ограничения, не достигающие никакого практического результата, только вредны, вызывая раздражение против власти со стороны целого народа, умного, талантливого и сильного своим экономическим положением. Но я все-таки думаю, что привести предложенную Вам меру не удастся», – таково было суждение графа Витте.

Это пребывание в С.-Петербурге ознаменовалось для меня благополучным окончанием моего дела в правительствующем сенате и беседой с Государем Императором, о которой я уже упоминал.

Уезжая из столицы, я просил П. Н. Дурново, ввиду тяжелого, пережитого мной в Минске времени перевести меня в другую губернию, наметив Нижегородскую. Министр обещал, что мое желание будет удовлетворено, так как в скором времени в Нижнем Новгороде действительно предполагалась вакансия губернатора.

Дальнейшее пребывание в Минске никакими особенными событиями не ознаменовалось. Я могу сказать, что в Минской губернии не было разгромлено ни одно имение, порядок более не нарушался, а грозивший в мае еврейский погром был предотвращен.

Еврейские погромы являются только известной частью общего вопроса о положении еврейства в России. На практике я только в Минской губернии стал с ним лицом к лицу, как стал близко к другому вопросу – польскому и тесно с ним связанному вопросу – католическому.

Прослужив всю жизнь в центральной России, я имел только общее понятие об этих вопросах, но знакомство мое ограничивалось сообщениями прессы и толками в обществе. Мне не приходилось над ними серьезно задумываться, а, главное, на практике самому принимать участие в их разрешении. В Минске я встретился с действительной жизнью.

С первых же дней вступления в должность Минского губернатора, ко мне обращались сотни лиц по вопросу о праве жительства.

Хотя Минская губерния находилась в так называемой черте оседлости, но общие ограничения в праве жительства затрагивали многих, проживавших в губернии евреев, которые по тем или иным делам должны были выезжать, а тем более проживать вне этой черты. Особенно тяжело было положение родителей, сыновья которых поступали в высшие учебные заведения или иные специальные училища. Зачастую родители имели право проживать в столицах, каковым правом, однако, дети их не пользовались. Понимая вызываемые таким положением затруднения, я сам не мог прийти просителям на помощь и мне приходилось обращаться с ходатайствами к с. – петербургскому и московскому градоначальникам и местным губернаторам, прося о снисхождении и допустимых по закону льготах.

Мне было непонятно, чем объясняется выделение особой черты оседлости, выехать за пределы которой при помощи различных ухищрений, все-таки удавалось, не говоря уже о том, что по самому закону вне черты еврейской оседлости могли проживать лица еврейского происхождения, из которых многие принадлежали к наиболее опасному элементу.

В тесной связи стояло воспрещение евреям жительства в сельских местностях даже в упомянутой черте оседлости. Практика и тут нашла обход. В Минской и подобных ей губерниях возникли так называемые местечки, количество которых было очень значительно. Так как в них еврейское население было крайне скучено и евреи права приобретения земли не имели, то оно для поддержки своего существования захватывало в свои руки торговлю и промыслы, что вызывало раздражение нееврейской части населения, мало способного по своему характеру к экономической борьбе с евреями. Одновременно указанные условия проживания евреев в черте оседлости и в упомянутых выше местечках вызывали уже среди них озлобление

к правительству. Если к этому прибавить другие ограничения, в том числе затруднения при поступлении еврейской молодежи в учебные заведения, не только высшие, но даже и средние, то естественно, что она легко примыкала к антиправительственным партиям, чем и объясняется развитие в этих местностях еврейской революционной партии «бунд», сыгравшей значительную роль как в волнениях 1905 года, так равно и в самой Российской революции. Более состоятельная и благоразумная часть еврейства не принимала участия в этом движении, но была не в силах удержать свою молодежь и искоренить в себе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.